

У истоков Руси

Олег Яковлев

ПОВЕСТЬ
О ПРЕДСЛАВЕ

У истоков Руси

Олег Яковлев

Повесть о Предславе

«ВЕЧЕ»

2019

Яковлев О. И.

Повесть о Предславе / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2019 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8023-2

Предславе, дочери князя Владимира Святого, выпала неженская доля. Княжна должна лишь помогать «крепить союзы» с соседними княжествами или иноземными государствами, то есть выйти замуж и рожать детей, а на худой конец постричься в монахини... но иной жребий достался Предславе. Ввязывается она в мужские дела – помогает своему брату Ярославу бороться против Святополка Окаянного и против польского правителя Болеслава Храброго. Увы, политические распри всегда жестоки, в них никто никого не щадит, и даже к женщинам нет милосердия. Исторические сведения о Предславе немногочисленны, спорны и противоречивы. В этой книге показана одна из возможных версий развития событий.

ISBN 978-5-4484-8023-2

© Яковлев О. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	45
Глава 16	48
Глава 17	50
Глава 18	54
Глава 19	56
Глава 20	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Олег Яковлев

Повесть о Предславе

Вступление

Будущий Креститель Руси, князь новгородский, а позднее киевский Владимир Святославич поначалу был мало похож на того, кого уместно назвать святым. С юных лет отличался непомерным женолюбием. Одних только законных жён у него насчитывалось более полдюжины, наложницы же исчислялись сотнями. Да и помимо покорных, готовых исполнить любую прихоть господина рабынь, имел Владимир связь не с одной боярской супругой или дочерью[1]¹. Многие отдавались ему сами, без какого бы то ни было принуждения – пригож был удатный[2] молодец, баловень судьбы, лихая головушка, кудрявый светлоокий красавец с извечной слащавой улыбкой на устах. Невесть чем, но вот привораживал он, притягивал к себе жёнок, и те, забыв стыд, послушно окунались, как в омут с головой, в его жаркие объятия.

Позднее народные песни и сказания нарекут Владимира Красным Солнышком, создают приукрашенный образ правителя, при котором земля Русская переживала эпоху расцвета. Золотились-де купола на белокаменных соборах, учинялись в теремах весёлые пиры и многочелюдные праздники, во время которых прямо-таки ломились от яств и питий столы, пестрело в глазах от ярких цветастых саянов[3], летников[4], убрусов[5] молоденьких жён и красных девиц, а былинные богатыри славились своей храбростью и в любой миг готовы были грудью встать на защиту любимой отчины и дедины.

Было... Всякое было. Но и иное отличало Владимира в молодые годы. Рождённый наложницей, уязвлённый с самого детства тем, что не ровня он единокровным[6] братьям своим, Ярополку и Олегу, рано научился Владимир подлости и коварству. Благо и советники на худое находили его так же легко, как и женщины. Первым стал Добрыня, брат по матери, вуй – воспитатель, коего князь привык слушаться во всём, вторым – киевский боярин Блуд Ивешей. Этот за звонкое серебро обманом передал в руки Владимиру брата Ярополка, которого в день 11 июня 978 года от Рождества Христова предательски убили варяжские[7] наёмники в лагере под Родней[8], пронзив мечами «под пазухи». Беременную жену брата, гречанку, сластолюбивый Владимир тоже взял к себе в гарем.

А чуть ранее под стенами Полоцка[9] – главного города племени полочан – разыгралась другая трагедия, и в сердцевине событий оказалась ещё одна молодая женщина, которой суждено было оставить в истории немалый след.

Звалась она Рогнедой и приходилась дочерью полоцкому князю, варягу Рогволоду. И вышло так, что в одно и то же лето приехали к Рогволоду сваты и из Киева, от Ярополка, и из Новгорода, от княжившего там в ту пору Владимира.

Поразмыслив, полочане дали согласие Ярополку, а Владимирову посланца Добрыню отправили ни с чем.

«Не хошу розувати робичича»[10], – гордо ответствовала златовласая красавица Рогнеда на предложение новгородцев.

И началась война. В отместку за свой позор (а смеялась над будущим Крестителем едва не вся Русь), собрав рать из словен[11], чуди[12], варягов и нурманов[13], нагрянул неожиданно-негаданно Владимир под стены полоцкой твердыни. Бой был долгий и яростный. Горели башни и городни[14], к небесам взметались чёрные клубы дыма. Хищные вороны кружили над окрестными полями, над серебристой Двиной и полосой непроходимого бора в ожидании царского

¹ Примечания см. в конце книги.

пиршества. Обитые железом пороки[15] проломили дубовые ворота, и толпа дико орущих ратников, далеко не каждый из которых имел кольчугу и шлем, прорвалась на улицы богатого торгового города.

Полоцк «взяли копьем»[16] и подвергли разгрому. И в тот час, когда орды победителей, хмельные от крови, хватали добычу и творили бесчинства, в веже[17] за земляным валом Владимир, по злобному наущению Добрыни, изнасиловал Рогнеду на глазах у её связанных пленных родителей и братьев. Затем, по велению того же Добрыни, униженного князя Рогволода, его жену и двоих сыновей закололи ножами. Рыдающую от горя и позора Рогнеду отвели в возок, приставили к ней крепкую охрану – дюжих дружинников с длинными копьями – и повезли вслед за войском в далёкий Киев.

У Владимира до Рогнеды уже была жена – богемка[18], от коей он имел сына Вышеслава, но это не помешало молодому князю объявить несчастную своей женой и дать ей славянское имя Горислава. Гори, мол, ярким пламенем в славе князя Владимира. На свадьбе играли гусли, вертелись скоморохи, гоготали и подымали чары за своего правителя варяги-дружинники.

Потом они захватили Киев, умертвили Ярополка, и сел Владимир, сын рабыни, ещё недавно униженный и оскорблённый изгнанник, на отцов «злат стол».

Вот тут-то он и развернулся. Жён и наложниц расселил вокруг града, шумно веселился, ходил в близкие и дальние походы, возвращаясь из которых, всякий раз привозил новых молодых девушек. Одних щедрой рукой дарил своим ближним боярам, прочих же волок к себе, в неистовой неистребимой жажде неуголённого плотского желания.

Так и жил, легко, просто, не задумываясь ни о чём.

Он приносил кровавые жертвы грозному громовержцу Перуну, жаловал и других богов – Велеса[19], Мокошь[20], Хорса[21], Стрибога[22], Семаргла[23]. Деревянных идолов велел вынести из терема и установить на площади на Горе[24].

При всех своих пороках и вероломстве Владимир, однако, имел немало ума. И постепенно, с годами, уразумел он, что по старым, прежним законам и поконам[25] ныне не прожить. Время и обстоятельства требовали от него смены старой, языческой веры. Молодая крепнущая Русь рвалась на мировой простор.

Заклучив тесный союз с ромейским[26] императором Василием II, в лето 988-е Владимир принял святое крещение. В речушке Почайне священники-греки торжественно окрестили весь киевский люд. Затем крестили народ в Смоленске, Ростове, Полоцке, на Волыни. Возводились православные храмы, росли и богатели города.

Для укрепления своей власти задумал Владимир породниться с императором Василием и взял себе в жёны его сестру, царевну Анну. Гарем свой князь разогнал, прежних наложниц и жён раздал боярам и дружинникам или расселил по разным сёлам и городам.

Но гордая Рогнеда не простила Владимиру обид, ни прежних, ни новых. Помнила она свой позор, помнила совершённое над нею надругательство, помнила предсмертные крики родителей и братьев. Однажды тёмной ночью подкралась она к спящему Владимиру с кинжалом в руке и едва не зарезала его. Уже наметила место, куда бить, да князь неожиданно проснулся и перехватил её занесённую для удара длань.

После такого он хотел её убить, но, посоветавшись с боярами, передумал.

Вместе с сыном, малолетним Изяславом, Рогнеду отправили на родину, в Полоцкую землю. Там, у истоков Свислочи, на поросших густым лесом холмах zaloжили град, названный в честь княжича Изяславом. Град обнесли дубовыми стенами, соорудили сторожевые башни, поставили обитые медью ворота. В центре города, на самом высоком месте, возвели просторные хоромы, в коих и поселилась опальная княгиня.

Меж тем Владимир, став прилежным христианином, вовсе не желал менять прежних привычек. Время от времени он посещал бывших жён и наложниц и, если те не хотели отдаваться, брал их, как ранее, силой. Не раз объявлялся он и в Изяславле, со страстью впивался в

уста отчаянно сопротивляющейся Рогнеды, валил её на постель или прямо на пол; сопя, раздвигал ноги, удовлетворял ненасытную плоть.

После одной из этих «встреч» Рогнеда в очередной раз забеременела и в тихую осеннюю ночь разродилась дочерью. Малышку назвали по-славянски Предславой, а при крещении, состоявшемся в маленькой деревянной церквушке городка, нарекли Софией в честь святой великомученицы.

В Киев ко Владимиру полетел с вестью гонец.

По правде говоря, подобных известий князь получал немало, иногда они бывали желанными, иногда – попросту лишними. Бывшие жёны и наложницы детей Владимиру рожали исправно, и потому новость об очередном ребёнке киевский владыка, постаревший, раздобревший, с сединой на висках и в бороде, принял довольно равнодушно.

Он выслушал молодого гонца-полочанина, кивнул, промолвил как бы походя, между делом:

– Дщерь. Что ж, народец нужный. Молодец, Рогнеда! Вырастут, будем союзы с иноземцами крепить.

Спустя мгновение Владимир, казалось, вовсе забыл о существовании своей маленькой дочери, всецело пребывая в высоких державных заботах, кои перемежал с весёлыми буйными пирами.

Но где-то далеко, в глубинках памяти его осело, спряталось: «Поехать к Рогнеде. Дочь повидать».

Мысли о Предславе до поры до времени великий князь киевский отложил.

Глава 1

Маленькая девочка в белом суконном платье, обшитом по вороту и рукавам красными нитями, с туго заплетённой золотистой косичкой, сероглазенькая, цепляясь за широкий подол материного саяна, с любопытством выглядывала с крыльца на гремящих железом всадников, которые один за другим въезжали в ворота обнесённого тыном[27] двора.

У каждого приторочена к седлу кольчуга, на портупее висит меч в обитых сафьяном ножнах, за спиной – лук и тул[28] со стрелами, головы многих покрывают сверкающие на летнем солнце блестящие шеломы. Передний вершник, высокого роста, в голубом плаще поверх алой рубахи, перетянутой на запястьях серебряными обручами, с золочёной фибулой – застёжкой у плеча, в шапке с парчовым верхом, спешивается и торопливо взбирается вверх по ступеням.

У него долгая, с проседью, борода, усы подстрижены и вытянуты в прямые тонкие стрелки, на пальце переливается бирюзой крупная жуковина[29].

– Предслава, подойди к отцу. – Мать строгим голосом, в котором сквозит холод и неприязнь, берёт малышку за руку и подводит к этому незнакомому девочке человеку. Предслава немного робеет, с опаской смотрит на неведомого родителя, лицо которого вдруг расплывается улыбкой. Он порывисто хватает взвизгнувшую от неожиданности Предславу на руки и осторожно сажает себе на плечо.

Девочка обвивает тоненькими ручонками мускулистую смуглую отцову шею, смотрит сверху на двор, на воинов, наполняющих торбы овсом для коней, на хлопотливых материних прислужниц, несущих на цветастом рушнике[30] хлеб-соль, на старших братьев, Изяслава и Всеволода, которые, облачённые в кафтаны зелёного бархата, перетянутые поясами с раздвоенными концами, молча кланяются отцу. Здесь же, рядом с княжичами, внизу – Ферапонт, строгий учитель-монах, коему ещё предстоит обучать Предславу книжной премудрости. Среди жён, окружающих мать, княжна узнаёт мамку – пышногрудую Алёну, которая чуть заметно подмигивает ей.

Сверху так необычно и так хорошо видно! Тын из гладко обтёсанных жердей, такой высокий, кажется отсюда низеньким, маленьким, игрушечным. Предслава видит стадо гусей, пересекающих улицу, замечает ряды гружённых снедью[31] телег, голубую гладь реки за крепостью, чёрные продолговатые точки рыбацких лодок. А вон стадо коров пасётся на зелёном лугу, вон опушка леса с жёлтыми цветками одуванчиков – как любила Предслава с подружками-сверстницами бегать по нему утренней порою босой, смахивая со стеблей травы холодные капли росы!

Отец снова берёт её на руки, целует, колючая борода щекочет Предславе лицо, девочка залиvistо смеётся.

– Ну, ступай. – Владимир опускает дочь на дощатый пол.

Предслава видит рядом с собой грубые бородатые лица воинов, вдруг пугается, вскрикивает и прячется среди складок пышных платьев материних боярынь.

Отец смеётся, говорит, обращаясь к матери:

– Впервой зрит, боится.

Рогнеда презрительно пожимает плечами.

– Немудрено. Нечастый ты гость у своих чад.

Вскоре в гриднице за столами начался пир, заиграли гусли. Князь Владимир, громыхая сапогами с боднями[32], поднялся на верхнее жило[33].

В светлой палате с окнами во двор находилась Рогнеда с детьми. На шее опальной княгини блестела медная кривичская[34] гривна[35] из туго скрученных нитей, с высокой кики[36] свисали височные кольца, руки перехватывали серебряные браслеты – узенькие, украшенные замысловатым чеканным узором и самоцветами.

– Оделась, как тогда, – заметил Владимир, останавливаясь в дверях и с изумлением разглядывая багряное шёлковое платье Рогнеды.

В нём была она в день их свадьбы в Киеве и потом, много позже, когда после покушения он пришёл к ней с мечом и хотел убить. Спас маленький Изяслав, оказавшийся рядом с матерью, и бояре, отговорившие князя от злодейства.

Владимир отогнал прочь воспоминанья, тяжело рухнул на лавку, устался на тревожно молчащих сыновей и Предславу, которая отложила в сторону деревянную ложку и с любопытством посматривала на него.

– Вот что, Рогнеда, – промолвил он, прокашлявшись. – Отныне даю я каждому из сынов своих стол в держание. Хочу, чтоб с малых лет учились они делам княжеским. Сам я тож с Нова-города начинал.

– Ведаем. – Рогнеда криво усмехнулась. – И как на море Варяжском[37] ты разбойничал, и как города приступом брал и жёг, и как жён сильничал, и как Киев ковою[38] захватил, единокровного брата убивши. Сынов таких же хошь?

– Ты брось! – Владимир внезапно разгневался и грозно рявкнул на неё. – Не смей!

Тщедушный Всеволод испуганно вздрогнул.

– Чего боишься?! – прикрикнул на него отец. – Тако всю жизнь, что ль, прятаться по углам, за жениными юбками, будешь?! Князь ты еси, князь, уразумей! Вот чтоб ума и храбрости набрался, даю тебе стол. Поедешь на Волынь, новый град тамо заложил я давеча, на Луге. Нарёк Владимиром[39].

– Скромно вельми, княже, – уколола его Рогнеда, зло рассмеявшись.

Владимир сердито засопел, но сдержался и промолчал.

– Сперва в Киеве тя жду, – продолжил он, обращаясь ко Всеволоду. – Тамо и порешим, что да как. А тебе, – кивнул он в сторону Изяслава, – даю материну волость, Полоцк. Тамо будешь сидеть. Старшой ты у Рогнеды сын.

Изяслав, уже не мальчик, но юноша лет восемнадцати, холодно поклонился отцу.

– И ведай: с сей поры Полоцк – вотчина твоя, Изяславе. Вослед тебе сыны твои тамо княжить будут. Рад ли? – Владимир, прищурившись, испытующе посмотрел на старшего сына.

– Рад, – тихо и так же холодно ответил ему Изяслав и отвернулся.

– Вот, стало быть, как! – Рогнеда внезапно вскочила со скамьи, заходила по покою, звеня украшениями. – Отдельная волость! Вотчина! Кого угодно обмануть можешь, Владимир, но токмо[40] не меня. Подлость твою и коварство бо[41] ведаю! И догадываюсь, что измыслил ты! Лишить хошь сынов моих прав на княженье великое! На стольнокиевский злат стол! Для детей от ромейки Киев готовишь! Что ж, давай! Твоя покуда сила. Об одном помни: зло, тобою творимое, на твою же главу пеплом посыпется. А пепел сей горек будет! Помни, Владимир, крепко помни! Я уж, верно, не доживу, не увижу кончины твоей. Хворобы[42] мучают разноличные. Но что сказывала тебе сейчас, не забывай николи![43] Ежели верна догадка моя, погубишь ты и себя, и сынов Анниных! Злоба бо токмо злобу единую порождает!

– Довольно! Раскаркалась тут! – Владимир стукнул кулаком по столу. – Как сказал, тако тому и бысть!

Рогнеда снова презрительно усмехнулась, передёрнула плечами, махнула рукой.

Владимир, остывая, отходя от гнева, тяжело вздохнул.

– Гордая ты, непокорная. И он, – указал князь на Изяслава, – такой же. Какова дочь будет, не ведаю. Мала вельми[44]. Оставляю её покуда тут с тобой. Но как подрастёт, заберу её в Киев. Негоже ей жить в этакой глуши. Дикаркой вырастет. А там, средь княжон да боярышень, средь людей учёных, посланников иноземных, средь люда ремесленного и торгового, больше с неё толку будет. А потом и жениха ей сыщем справного. Правда, Предслава?

– Правда, – пропищала крохотная княжна, с аппетитом слизывая с ложки кашу.

Рогнеда, глянув на неё, невольно улыбнулась.

Явилась Алёна и увела малышку в бабинец[45], в детскую светёлку с игрушками и серебряным зеркальцем на стене.

Из разговора матери с отцом трёхлетняя Предслава мало что поняла, врезалось ей в память только одно: мать отца не любит, а отец хоть и срывается порой в крик, гневает, гремит страшно кулаком по столу, но к ней, Предславе, относится хорошо, по-доброму. Со братьями он куда более строг. И ещё, второе – до Предславы дошло, что братья скоро уедут, и останется она с матерью одна в Изяславльском терему. Будет, конечно, скучно, немного тоскливо, но такова отцовская княжеская воля.

Ночью, когда Предслава уже спала под беличьим одеялом рядом с Алёной, разбудил её топот копыт и скрип отворяемых ворот. Мамка, всполошно крестясь, зажгла лучину и открыла волоковое оконце.

Во дворе мерцали факелы, к звёздным небесам вздымались чёрные столбики дыма. Проснувшаяся Предслава, прильнув к окну, заметила в темноте удаляющиеся фигуры вершников.

– Отец твой уезжает, – шепнула Алёна.

– Ну вот, и не простился. – Княжна капризно надула губку.

– Недосуг ему. Ты ступай, спи. – Мамка решительно отстранила девочку от окна и, ухватив её за руку, уложила под одеяло.

Предслава тотчас крепко заснула.

Позже ей не раз вспоминался этот удаляющийся топот коней и горящие смоляные факелы во дворе. И остался на душе горький осадок, была обида на отца – маленькая, незначительная, но такая, какую цепко держит юная детская память. С этого события началась для Предславы сознательная жизнь.

Глава 2

За крепостной стеной Изяславля простирались широкие луга и холмы, поросшие густым непроходимым лесом. Узкая змейка дороги убегала на полночь[46], к Полоцку, другая, пошире, вымощенная в низких болотистых местах брёвнами, вела на юг, в сторону земли дреговичей[47], на берега Припяти. Вдоль Свислочи тоже тянулся шлях, он то круто обрывался вниз, то выводил к надрывно скрипящим мосткам, переброшенным через весело журчащие маленькие речушки.

Неподалёку от городка располагались обведённые деревянной стеной строения монастыря. Суровые иноки несли через леса и дреги[48] свет Христова учения, пробираясь в самые отдалённые уголки земли кривичей. Бывшая княгиня Рогнеда, названная при крещении Анастасией, жаловала и привечала божьих людей, вносила богатые вклады в строительство и укрепление монастыря, щедрой рукой отсыпала звонкое серебро на покупку богослужебных книг и на церковную утварь. Много раздавала Рогнеда милостыни нищим, калечным и сирым, кои ежедень толпились у городских ворот или бродили по окрестностям в поисках подаяния.

В пять лет Предславу отдали в учение. Первым учителем её стал княгинин духовник, отец Ферапонт. Он заставлял девочку учить наизусть молитвы и читать на трудном церковнославянском языке. Предславе поначалу чтение давалось с трудом, молитвы запоминать было полегче, ещё легче и быстрее освоила она счёт. Затем Ферапонт учил её выводить тонким писалом на бересте замысловатые буквы кириллицы. Понемногу тихая старательная княжна постигла азы грамоты, спустя без малого год она уже могла самостоятельно сочинить и нацарапать берестяную грамотку для мамки или подружек. После каждой своей маленькой удачи она прыгала и скакала, хлопая от радости в ладоши.

По воскресным дням мамка Алёна водила Предславу в церковь Святого Николая – единственное в городке здание, выложенное из серого камня. Предславу восхищали яркие краски икон, праздничные ризы священников, золотые оклады, потиры[49] и кресты. А ещё ей нравился этот новый Бог, взирающий на неё с высоты, из-под купола. В тёмных глазах Христа она находила участие и утешение, а ещё какую-то глубокую, непонятную ей покуда скорбь.

Мать девочка видела редко, тем более что опальная княгиня всю последнюю зиму хворала и редко появлялась на людях.

На исходе весны, когда схлынул на Свислочи бурный паводок, прекратились унылые дожди, а солнышко с каждым днём пригревало всё сильнее, пришла в Изяславль беда.

Маленькая княжна поначалу не поняла, почему Алёна и Ферапонт, хмуро переглядываясь, велели челядинкам облачить её в чёрное платье. Алёна роняла слёзы, вытирала платком глаза, с жалостью смотрела на неё, потом вдруг тихо вымолвила:

– Матушка твоя умерла, Предславушка. Пойдём сей же час в покои верхние, простишься с ею.

Она повела ошарашенную, вмиг посерьёзневшую княжну по узкой винтовой лестнице в теремную башню.

В большой палате со стрельчатыми слюдяными окнами стоял запах лекарственных трав и ладана. Мать с бледным восковым лицом, похудевшая, вытянувшаяся, в убрусе, который надевала, когда приезжал отец, лежала в гробу, завёрнутая в белый саван. У изголовья её застыл, в скорбном молчании опустив голову, Изяслав. По обе стороны от гроба стояли монахи в чёрных одеждах. Читались заупокойные молитвы, горели свечи. Наверху за стеной плотники разбирали, по славянскому обычаю, крышу терема. Слышался скрип ломаемых и отдираемых досок, стук, приглушённый говор.

Предслава опустила на колени и горько зарыдала. На всю жизнь врежется в её память этот обитый багряной материей гроб, безжизненное лицо княгини Рогнеды и слёзы Алёны. И

ещё – монахи в чёрных куколях[50], со свечами в руках. И заунывное песнопение, а после – жуткая, пронизывающая всё существо тишина.

Гроб подняли, вынесли через крышу, погрузили на возок, запряжённый двумя огромными волами.

Кто-то из челядинов шепнул:

– А легка княгиня. Яко пушинка.

Потом была служба в церкви, был крутой яр над берегом Свислочи и сильный ветер, качающий белоствольные берёзки. Обитый багрянцем гроб поместили в глубокую яму, засыпали землёй, а на холме установили большой каменный крест с затейливой резьбой. И снова слёзы застилали шестилетней Предславе глаза. Не выдержав, она закрыла руками лицо и расплакалась. Мамка принялась утешать её, что-то шёпотом говорила об отце, о стольном Киеве, о долгой дороге, которая-де отвлечёт крохотную княжну от тяжких и совсем не детских дум.

Спустя несколько дней после похорон отец Ферапонт позвал Предславу на урок, усадил на скамью, велел начертать на бересте:

«Киев – мать городов русских».

– Ну вот, княжна, – одобрительно покивав седой головой, промолвил учитель. – Поутру поплывём мы на ладье под ветрилом[51] в стольный наш град. Отец твой, князь Владимир, вельми опечален кончиной матушки твоей. Ну, да все под Богом ходим. Одно сказать хочу: добро мы с тобою грамоткою словенской позанимались. Не стыдно за тебя будет пред отцом твоим. Тому рад.

– Как, батюшка, нешто[52] заутре[53] и поплывём? – изумлённо спросила княжна.

Она и печалилась, что покидает родные места, но и одновременно сгорала от нетерпения, охваченная тем детским любопытством, какое испытываешь, когда открывается перед тобой что-то новое, доселе невиданное и непознанное.

И всё-таки сперва пересиливал страх. Предслава стала испуганно озираться по сторонам, готова была уже окликнуть мамку, но отец Ферапонт, видно, понял, что творится в душе у девочки, и ласково, но твёрдо промолвил:

– Ничего, детонька. Оно тако и к лучшему.

И Предслава, глядя на доброе лицо учителя, вдруг улыбнулась, вмиг отстранив от себя, отбросив прочь всякие страхи. Она была дочерью князя Владимира и впервые подспудно почувствовала как раз сейчас, в этот миг, в чём состоит отличие её от простых смертных, от прочих девочек и мальчиков, с коими ещё седмицу[54] назад играла в саду как равная с равными.

Она должна быть первой среди них, лучшей, должна знать и уметь больше, чем они. И поэтому она поплывёт завтра на ладье, она увидит стольный Киев-град, встретится со значительными, великими людьми.

Когда Ферапонт отпустил Предславу, она не бросилась, как бывало прежде, бегом по лестнице во двор или в бабинец, а медленно, задумчиво побрела в горницу. Она прощалась с опустевшим после смерти матери домом – домом, который становился теперь пустым, холодным, чужим и в который уже, наверное, не будет для неё обратного пути. Это она тоже понимала своим острым детским чутьём.

Глава 3

Из почти двухнедельного путешествия маленькой Предславе более всего запомнились заросли плакучей ивы, низко склонившейся над водами Свислочи, топкие болота по левому берегу реки, унылая пустота кочек с редкими чахлыми деревцами, а после – широкий простор стремительного среброструйного Днепра.

Волны хлестали о борт ладьи, разбивались, пятная воду пенным крошевом, холодные брызги острыми иголками кололи лицо. Ладья летела быстро, как птица, свежий ветер надувал красное полотнище ветрила. Участились селения, княжна едва не каждый час замечала за гладью реки богатые усадьбы, ряды светлых домиков, цепочкой тянувшихся вдоль правого, возвышенного берега, видела купола церквушек, крашенные зелёной краской или, реже, крытые свинцом.

Плыть по днепровскому стрежню было легко и весело; гребцы, оставив ненужные покуда вёсла, пели хором песни, чистый речной воздух наполняли пронзительные звуки гудков и свирели.

В ладейной избе отец Ферапонт продолжал обучать свою воспитанницу, заставлял читать главы из Библии о Сотворении мира и молитвослов. Предславе не хотелось заниматься, она то и дело отвлекалась, отбегала к окну, капризничала. Ферапонт гневался, но бывшая тут же Алёна останавливала его, лаской легко достигая того, чего не мог священник добиться строгостью. На ночь чаще всего ладья причаливала к берегу, иногда остановки делали и днём для пополнения припасов. Гребцы и кормчие разводили костры, грелись, варили ароматную вкусную уху.

Киев возник как-то неожиданно, среди ясного солнечного дня, вынырнув из-за поросших зелёным лесом гор. Вначале Предслава углядела широкую пристань, пестрящую огромными судами, ладьями-насадами и более мелкими однодеревками. Затем взору любопытной девочки открылся пыльный шлях, круто взбегающий по склону холма. У подножия его виднелась однаглавая деревянная церковенка.

Шлях упирался в обитые листами сверкающей на солнце меди ворота детинца, который, словно разбросавший в стороны крылья гордый сокол, величаво возвышался над городом. Из-за стены выглядывали крыши домов, верха теремных башен, купола церквей.

По обе стороны шляха лепились мазанки и избы простого люда. Их окаймлял тын, почти такой же по высоте, как и тот, который окружал княж двор в Изяславле.

Избы с курящимися дымками убегали вниз по склону, тонули, прятались в глубине оврагов.

– Урочище Кожемяки. А тамо – гончарские слободы, – пояснял Ферапонт.

Святой отец не раз бывал в Киеве и хорошо знал стольный город.

Вымол[55] кишел людьми, все куда-то спешили, толкались, мужики волокли на плечах огромные мешки, рядом жёнки вели на верёвках овец, телят, отовсюду нёсся шум, крики, раздавалось ржание коней, мычание коров, блеяние баранов.

Речная дорога вроде была и не особенно утомительна, но к концу пути Предслава чувствовала усталость и лёгкое кружение в голове от долгой качки на волнах. А тут ещё ошарашил девочку, перепугал её, оглушил этот необычный шум. Уцепившись за руку мамки, маленькая Предслава с опаской взглядывала на чернобородого мужика в войлочной шапке, разгружающего воз, на горластую краснощёкую бабу, торгующую семечками, на чубатого воина в суконной сорочке, с мечом на поясе, с вислыми длинными усами, который бесцеремонно расталкивал окружающих и пробирался им навстречу.

– Здорово, Ферапонт! – крикнул он попу, видно, ещё издали заприметив его чёрную рясу. – А, вот и княжна Предслава! Вижу: жива, цела, одета, как подобает! – Воин раскатисто

расхохотался и оглядел подозрительно косящуюся на него девочку с ног до головы. – Чего оробела?! Не бойсь! Моя батька твой на пристань послал, велел в хоромы доставить! А зовусь я Фёдором Ивещеем. Запомнила? Ну вот и ладно!

Он подвёл Предславу и её спутников к крытому возку, расписанному по бокам травными узорами и киноварью[56]. Возок был красив, несла его тройка статных гнедых коней, нервно прядущих ушами.

Когда княжну с мамкой и Ферапонтом усадили в возок, Ивещей дал знак кучеру трогаться. Сам он взобрался на чёрного длинногривого скакуна и поехал впереди.

Кони быстро промчались вверх по склону.

– Боричев увоз, – сказал Ферапонт. – Тако сия дорога прозывается. Здесь ране Борич жил, боярин набольший.

Возок остановился возле врат трёхъярусного дворца, выложенного из морёного дуба, с серыми каменными башнями по краям и посередине. У ворот и на морморяном всходе стояли воины в кольчугах и шишаках, оборудованные копьями и червлёными щитами. На одной из башен реял княжеский стяг – рарог – сокол на багряном фоне.

Во дворе перед крыльцом тоже царили суeta и шум, ржали лошади, теснились телеги и возы. С трудом протолкавшись ко всходу[57], Ивещей провёл Предславу, Алёну и Ферапонта через три кольца охраны в светлые просторные сени. Вскоре они оказались в гриднице[58], заполненной отроками[59] в узорчатых кафтанах и рубахах, затем поднялись по лестнице наверх и, петляя по лабиринтам тёмных переходов, в конце концов вышли к обитым железом дверям, у которых стоял очередной гридень с мечом на поясе.

Узнав Фёдора, он отступил посторонь.

– Вот, княжна, тут, в башне теремной, бабинец княжеский, – обернулся Ивещей на Предславу. – Тута сёстры твои живут. Проходите. А для тя, отец Ферапонт, внизу покой приутовлен.

Позже Предслава узнает, что Фёдор – сын боярина Блуда, того, который за звонкое серебро предал и погубил князя Ярополка. Пока же ей явно не по нраву пришёлся этот громкий шумливый человек с деланой улыбкой и хитрыми колючими глазами. Говоря, он щерил свои крупные жёлтые зубы и смотрел на неё так, словно заранее старался оценить, кто же она такая и что собой представляет.

В бабинце Предславе с мамкой отвели две комнаты с выходящими на Бабий Торжок[60] забранными слюдой узкими окнами в свинцовой оплётке. Ставни окон были украшены затейливой резьбой и разрисованы киноварью.

На ставнике[61] в ряд стояли иконы греческого письма в дорогих окладах, мерцали тонкие лампы.

Уставшая с дороги Алёна ушла вскорости спать, Предславе же не сиделось и не лежалось. Она то выглядывала в окно, то высовывала голову в дверь, в переход с горящими на каменных стенах смоляными факелами и винтовой лестницей.

Некрасивая рябая девица в чёрном платке и летнике с широкими рукавами возникла перед ней внезапно, словно из стены выросла.

– Ты – кто? Верно, Предслава будешь? – спросила она и бесцеремонно вторглась в покой. – По одежке видать, тако и есь.

Говорила девица хрипло, глухо, неприятно сопела. Пихнув Предславу в бок, она развалилась на лавке, хищным цепким взором окинула расставленные в комнате вещи, заметила большой медный ларь, подскочила к нему, открыла, стала рыться в Предславиных одеждах.

– Оставь, моё се! – возмутилась Предслава. – Ты-то сама кто такая, чтоб здесь хозяйничать?!

– Вот дура! – девица рассмеялась. Смех её напомнил Предславе воронье карканье. – Нешто не догадалась?! Сестра я твоя старшая, Мстислава. Уразумела? Чё пялишься?! Али не ведаешь, что есь у тя сёстры и братья единокровные?! А?!

Мстислава больно ущипнула Предславу за грудь.

– Чё молчишь?

– Отойди, не трогай меня. – Предслава, отмахиваясь, обиженно ударила её по руке.

Мстислава внезапно распалилась.

– Чё, гребуешь[62], да?! – зло крикнула она. – Княгинина дочка, да?! А я, стало быть, коли наложницей князевой рождена, дак те не ровня?! Да?! Нет, милая, все мы тут, в бабинце, одинаковы!

Мстислава с презрительной усмешкой швырнула обратно в ларь платье, снова развалилась на лавке, устало зевнула, перекрестила рот.

– Ты мя попривоже будешь, – заметила она. – Срок придёт, подрастёшь маленько, выпихнут тя замуж. А мне, видать, век вековать здесь, в тереме отцовом. Али в монахини постригусь. Тамо поглядим. Вишь, рябая вся, страшная. Ненавижу, ох, ненавижу вас всех! – Мстислава вдруг топнула ногой и, закрыв уродливое лицо руками, громко расплакалась. – Всем вам одно надоть – мужиков! И мать такая, и рабыни все енти отцовые, и челядинки грудастые, и ты... Ты такая же вырастешь! – Мстислава злобно взывала и истошно прокричала: – Ненавижу! Ненавижу!

– Не надо так. Господь заповедовал нам любить друг дружку, – попыталась возразить ей Предслава, но сестра, не слушая её, в исступлении стала раздирать ногтями своё безобразное лицо.

На крики прибежали две служанки, подхватили плачущую Мстиславу за плечи и выволокли её из палаты.

Примчалась растрёпанная встревоженная Алёна, вздохнула облегчённо, увидев, что с Предславой всё в порядке.

– Пойдём, детонька. Испужалась, бедняжка. – Взяв княжну за руку, мамка привела её в свою комнатку. – Вот что. Подойди-ка к окошку. Видишь, сад там, за забором. Вот туда и беги покамест. Двери, ворота где здесь, запомнила ли?

Предслава кивнула.

– Тамо братья твои должны быть. Подружишься с ими, тебе же легче будет. А за подол мамкин, девонька, не держись. И ведай: здесь те не Изяславль. Тут – стольный Киев. И ещё помни, не забывай николи: нравы тут, в бабинце, волчьи. Завидующие бабы, почитай, из кажного угла подглядывают за тобою да подслушивают. И шепчут гадючьими языками, треплют попусту всякое, в княжьи уши хулу разноличную льют, яко вар кипучий. Ябедой такожде быти те не мочно[63] – противно се и мерзко. Одним словом, сторожкой быти те нать. Ну, ступай, верно.

Наставление мамки Алёны юная Предслава запомнит крепко. Здесь, в бабинце, она добьётся того, чего до неё не могла достичь ни одна княжеская сестра или дочь, но не избежит и не укроется от злых наушниц и коварного шепотка за спиной.

Впрочем, то будет после. Пока же, сбегав с крыльца, она окунулась в зелень цветущего сада с тёмно-красными ягодами вишни и пением птиц.

В траве под липами играли двое детей – худенькая девочка с золотистой косичкой и маленький мальчик, темноволосый, с очень смуглым лицом, облачённый в дорожную свитку. Девочка же была в домотканине, смешно болтающейся на худеньком тельце.

При виде Предславы мальчик, до того сидевший под деревом, приподнялся.

– Гляди, Златогорка, – окликнул он девочку и указал в сторону Предславы. – Кто се еси?! Эй, ты кто такая будешь?! – спросил он. Тёмное лицо малыша выражало нескрываемое удивление и любопытство.

– Княжна я, дочь Владимира. Предславою зовут.

- Вот как. И откуда же ты приехала?
- Из Изяславля. Городок такой на Свислочи. Далеко отсель. Две седмицы плыть.
- Ого! В самом деле, не близко. А я – Позвизд. Слыхала обо мне?
- Предслава отрицательно мотнула головой.
- Брат я тебе, выходит. Тоже Владимиров сын.
- А ты? – спросила Предслава златовласую.
- А я – Майя. Отец мой – конюх у князя. Но кличут мя все Златогоркой. Яко богатырку былинную, поленицу[64]. Да я и в самом деле сильная. Хошь, силою померимся?
- Нет, не будем. Верю тебе.
- Что, боисся, кость княжеска?! – Златогорка презрительно расхохоталась.
- Предслава недовольно передёрнула плечами.
- Нет. Чего тебя бояться? Просто не хочу.
- Полно вам. Пошли лучше вишнями лакомиться, – предложил Позвизд. – Стремянку у садовника возмём да и залезем повыше, где ягод больше.
- Он был младше Предславы и, говоря с ней, смотрел снизу вверх.
- Девочки охотно согласились с княжичем и побежали по вымощенной диким камнем дорожке. Предслава заметила, что Позвизд и Златогорка были босы и что пятки у них мозолисты и грубы, видно, от постоянной ходьбы без обуви.
- Вдоволь наевшись сладких спелых ягод, дети удобно устроились на траве под деревом и долго смотрели на ярко-голубой небосвод, по которому плыли редкие кучевые облачка.
- У тебя мать кто? – полюбопытствовала Предслава у Позвизда.
- Мать? – Княжич презрительно скривился. – Из болгар она камских. Вишь, в неё я и чёрный такой уродился.
- И где она топерича? Умерла? Моя вот матушка, Рогнеда, преставилась в нынешнее лето.
- Моя жива. Но лучше б, в самом деле, померла.
- Да как мочно болтать такое! – ужаснулась Предслава. – Глуп еси по младости своей!
- Не знаешь ты ничего. Жила мать моя в Берестове, средь прочих рабынь, а потом отец отослал её от себя да отдал в жёны одному своему боярину. Стойно корову, продал новому хозяину. А она и рада-радёшенька. И ведь не какая тамо холопка, но дочь княжая была. Отец в поход ходил, на болгар[65]. Вышел на берег Камы, видит, у болгар рать сильная. Ну и замирился с ими вборзе[66]. Вот как мир-то творили, дочь княжескую за его и сговорили, – промолвил Позвизд и не без гордости добавил: – Князя болгарского, то бишь деда моего, Мумином звали.
- А гридни сказывали, бесермен[67] он поганый, – вступила в разговор Златогорка. – А ещё один поп баял: живут болгары скотским образом, во грязи купаются. И кровушку православных пьют.
- Слушай боле всякую брехню! – огрызнулся Позвизд.
- Вас в ученье ещё не взяли? – спросила Предслава. – А то мя вот уж цельное лето грамоте отец Ферапонт учит.
- Меня нет ещё покуда. Говорят, осенью, как седьмой год пойдёт, – отозвался Позвизд.
- А мя отец не пускает. Бает, матери помочница надобна, – вздохнула Златогорка.
- Разговор детей прервали строгие голоса. Предслава, поднявшись, увидела мамку, а рядом с ней – князя Владимира, который властным взмахом руки позвал их к себе.
- Предслава, дочка! – Он подхватил княжну на руки и расцеловал в обе щёки.
- Предслава отстранилась от него. От отца пахло потом и лошадьми, прикосновение его жёсткой колючей бороды было для неё неприятно.
- Мстислава тебя не обидела ли? Почто рухлядь в ларе смята? Отмолви-ка, – строго сведя брови, потребовал князь Владимир.
- Нет, что ты, отче. Она хорошая... Токмо... Жалко её. Всё плачет, печалуется.

– Тако ли? – Владимир испытующе уставился на дочь.

– Тако, батюшка.

– Ну ладно, ступай. А ты, сынок, готовься. В ученье ты отдаю. И ты учиться будешь, Майя. Ныне при Десятинной церкви школу открываю. Все: и боярские дети, и княжеские, и простолюдины – учиться должны.

Златогорка просияла от радости, Позвизд же лишь передёрнул плечами. Он и раньше знал, что наступает пора учения.

После, уже в бабинце, к Предславе подкралась в переходе Мстислава.

– Спаси ты Бог, сестрица, – тихо прошелестела она у Предславы над ухом. – Не выдала, не сказала. Иначе всыпали б мне. Ты мя не страшись. Я добро помню.

Прошуршав длинным тяжёлым платьем, она скрылась в темноте.

Маленькая Предслава посмотрела ей вослед, тяжело вздохнула и качнула головой.

Глава 4

По соседству с княжеским дворцом, обнесённым бревенчатой стеной с забором[68] и угловыми башенками-сторожами, увенчанными треугольными крышами, высилась розоватая громада Десятинной церкви Успения Богородицы.

Выложенная из кирпича-плинфы[69], скреплённого цемянкой, церковь поражала своим праздничным великолепием. Маленькая Предслава с восхищением взидала на забранные богемским стеклом окна, на многогранные барабаны[70], на свинцовые луковки-купола, блестящие серебристой парчой посреди ярко-голубого небосвода. Задирая голову и подолгу смотря ввысь, княжна старалась пересчитать главы, но никак не могла – глаза слепило отражавшееся от верхов солнце.

Отец Ферапонт пояснял:

– Один купол на сей церкви, срединный, самый большой, – главный. Окрест его – четыре поменее. Далее десять луковок – ещё поменее. Главный купол означает Единого Господа, Творца и Вседержителя нашего. Четыре следующих суть четверо евангелистов – Лука, Матфей, Марк и Иоанн. Десять остальных куполов – десять заповедей Закона Божьего. А топерича сочти-ко, София: сколь всего куполов имеет собор Успения?

– Пятнадцать, получается, – сосчитала Предслава при помощи пальцев.

– Верно, детка. – Ферапонт одобрительно тряс седенькой бородкой.

Ещё сильнее восхитило Предславу внутреннее убранство храма. Множество лампад освещало срединную часть собора, разделённую двумя рядами осьмигранных колонн на три пространства – нефа. Стены и колонны были выложены красочной разноцветной мозаикой – мусией.

– Мусию класть – великий труд, – говорил отец Ферапонт. – Вдавливают её по одному крохотному кусочку в сырую ещё стену. И гляди, экая краса выходит. Знатные мастера ромейские сию красоту сотворили.

Кроме мусии, собор украшали фрески, писанные красками. Особенно запомнился маленькой Предславе лик Богоматери в голубом мафории, наброшенном на голову и на плечи. Глаза у Богоматери были чернее ночи, тонкие брови изогнуты в дуги, Она смотрела сверху на маленькую девочку и, казалось, проникала Своим взглядом в самые глубинки её души.

Лик выражал тихую скорбь, такую, что аж слёзы вышибало из глаз. Ещё была икона положения Богородицы во гроб, по правую руку от Царских врат. При виде её Предслава сразу вспоминала похороны матери, высокий курган над берегом Свислочи и ветер, холодный, она будто наяву ощутила, как он дует ей в лицо, свистит в ушах – порывистый, сильный, клонящий к земле упругие ветви молодых деревьев.

В церкви была мраморная купель, в которой, по словам Ферапонта, приняли крещение многие княжеские и боярские дети.

Соборный причт возглавлял епископ Анастас, приехавший в Киев из далёкого Херсонеса. Долгобородый курчавый грек, в митре[71] и парчовых одеяниях, обладающий резким пронзительным голосом, держался всегда надменно, важно, Предславу и Ферапонта он словно бы вовсе не замечал и даже с самим князем Владимиром разговаривал, вздёргивая вверх гордую голову.

– Помог сей Анастас отцу твоему при осаде Херсонеса[72], – рассказывал после Ферапонт. – Затворились бо жители града сего и крепко держались за стенами каменными. Ни с моря, ни с суши не могли наши к крепости подступиться. И тут Анастас пустил в лагерь ко князю Владимиру стрелу с грамоткой, в коей начертал, откуда под землёй подводится ко граду вода. Ну, наши ночью трубу ту выкопали и воду в Херсонес перекрыли. А без воды никуда не денешься, пришлось стратигу[73] корсунскому[74] город сдавать. Тако вот.

Предславе рассказ попа не понравился.

– Что ж, выходит, Анастас сей – переметчик?![75] И отец мой не храбростью, не удалью, но ковою Херсонес взял? – спросила она.

– Не так всё просто, княжна. – Ферапонт вздохнул. – Одно скажу. Вот помысли: сколь людей отец твой и Анастас от лютой гибели в бою на стенах и под оными спасли. И штурма никакого не было, и кровь не текла. Одною храбростию, детка, одною удалью многого ли добьёшься? Токмо во гресех погрязнешь. Для того и ум, и хитрость человеку дадена, дабы оберегать ближних своих от бед, а самому спастись, а после смерти попасть в Царство Христово.

Предслава, пожав плечами, смолчала. Но слова учителя запомнились, запали ей в душу. Подумалось, что мир вокруг неё воистину сложен и далеко не всегда хороши в жизни прямые и открытые пути.

Как-то быстро промелькнуло лето, следом за ним схлынула золотая киевская осень, наполненная красотой пожара увядающей листвы, затем небо затянули тяжёлые тучи и посыпал крупными хлопьями снег, в один день укутавший крыши домов и улицы белой пеленой.

При Десятинной церкви открыли школу, Предслава вместе с Позвиздом, Златогоркой и другими детьми часами сживала на длинных скамьях за столами, они писали на бересте, читали молитвослов, библейскую историю...

Шустрой Златогорке учение давалось легко, но непоседливая проказница нет-нет да и учиняла в школе всякие каверзы. То намажет стул учителя мелом, то спрячет бересту, то начертает писалом вместо буквц смешную рожицу и подпишет: «Се Предслава». Один раз нарисовала крысу с усами, сопроводив её надписью «Отецъ Ферапонть». Чем-то крыса воистину напоминала священника, и Предслава, не выдержав, прыснула со смеху.

Строгий учитель оборвал веселье, отобрал у девочек срамную грамотицу и нажаловался князю Владимиру.

Князь неожиданно вызвал к себе дочь. Оробевшая Предслава впервые очутилась в огромной отцовской палате, в которой были развешены на стенах охотничьи трофеи, а на поставках мерцали лампы.

Князь Владимир, в долгой хламиде[76], расшитой сказочными птицами и грифонами, отхлёбывал из чаши тёплый отвар лекарственных трав и жёстко, исподлобья глядя на неё, говорил:

– Хвалят тебя учителя твои, дочь. Бают, стараешься. Но что се? – Он потряс грамоткой со срамным рисунком. – Экая ж безлепица![77] Подобаает ли княжой дочери тако ся вести? Ну-ка, ответствуй!

– Худо содеяла, отче, – прощепетала, смущённо потупившись, Предслава.

– Али не твоё се художество?

Предслава промолчала.

– Может, подружка твоя, Майя, се сотворила?

Княжна нехотя передёрнула плечами.

– Не хошь подругу выдавать? Ну да ладно. Не для того я тя позвал, дочь. Да ты садись, не стой под дверью. Чай, не зверь я дикий. Не съем ты.

Предслава несмело присела на край лавки, но князь Владимир вдруг приподнялся, подхватил её, взвизгнувшую от неожиданности, как когда-то на крыльце терема в Изяславле, на руки и усадил к себе на колени.

– А тяжела становишься, дочка. Растёшь, невестою скоро станешь. То добре. А толковня наша, Предслава, невесёлая. Брат твой старшой, Изяслав, в Полоцке помер.

– Как это – помер? – вздрогнув, изумлённо спросила Предслава.

– Да вот так. – Владимир горестно вздохнул. – Всё гордый, непокорливый, яко мать ваша, был. Вот Господа и прогневил. Сгорел от огневицы, в три дня. А может, кто из бояр постарался. Хотя, вряд ли. Они за Изяслава горой стояли. В обчем, осталось после Изяслава двое сынов

малых – Всеслав и Брячислав, будут они в Полоцке на столе сидеть. Топерь о втором брате твоём, Всеволоде, – Владимир тяжело вздохнул. – Тот тихоня был, всё за спинами чужими прятался, боялся меня. Ну, думаю, Бог с тобой, какой уж есть. Живи. Стол дал Всеволоду, дак он что учудил, стервец! Бежал из Владимира-на-Волыни за море, ко свеям[78]. Бают, подбили его варяги. И Всеволод, дурак этакий, явился на остров Готский[79]. На том острове младая вдова правит, Астрида, дочь короля свейского, Эрика. Говорят, жёнка она вельми красовитая. И вот паробок мой, бесово семя, вздумал внезапу к ей свататься! Будь, мол, Астрида, женой моей. Вот, сопляк, что учинить умыслил! Ну, приняла его Астрида в терему у ся, а, окромя Всеволода, ещё собрались тамо иные женихи. Один, бают, аж из Гренландии откуда-то приплыл. И покуда они ели-пили, жёнка сия двери в хоромы заперла, соломой обложила и подожгла. И так, в дыму да в огне, все женихи её и сгорели, и в их числе и Всеволод.

– Как?! Он – погиб?! – Уста Предславы дрогнули. Не выдержав, она зарыдала.

– Полно, доченька! – Владимир огладил её по светлым волосам. – Тяжко оно, конечно. Скрывал я от тя долго, да, думаю, всё едино – знать те надобно. Одни мы с тобою остались. Ни матери, ни братьев твоих родных нету боле на белом свете.

Он прижал плачущую девочку к груди и расцеловал.

Предслава обхватила ручонками его шею, уткнулась лицом в плечо, Владимир чувствовал, как её голова с туго заплетёнными косичками вздрагивает от рыданий, и старался успокоить, ласкал, говорил:

– Ничего, дочка. Выживем мы с тобою. Горе – не беда. Ты, главное, слушайся меня. Всё тогда лепо[80] будет.

Предслава внезапно прекратила плакать, вытерла слёзы, высморкалась. Затем вскочила и, посмотрев на отца своими пронзительно-серыми очами, молвила:

– Вырасту, сию Астриду отыщу и убью!

Князь вздрогнул от её неожиданных злых слов, потом усмехнулся и невольно залюбовался дочерью. Такой, как сейчас, вытянувшейся в струнку, вздёрнувшей подбородок, готовой к мести, он видел её впервые.

Словно и не ребёнок уже, а взрослая женщина говорила с ним в эти мгновения, и не Предслава, а мать её Рогнеда, та самая, что едва не заколола его ножом в загородном терему. Кровь гордой полочанки проснулась, заиграла в юной княжне.

«Вот ведь и вправду похожа. А вырастет, ещё сильнее станет походить», – подумалось князю.

И заньло, затосковало, казалось, равнодушное, пресыщенное женскими ласками сердце стареющего Владимира. Вспомнилась ему почившая Предславина мать. Много было у князя жён, ещё больше – наложниц. Но если признаться, то любил по-настоящему он только её одну, гордую, ненавидящую, готовую убить. И теперь свою неразделённую любовь готов он был перенести на дочь.

Он успокоил её, улыбнулся, снова привлёк к себе, расцеловал в щёки, ласковым наставительным голосом сказал:

– Месть – зло. Запомни, девочка моя. И забудь о непутёвом своём братце. Одно ведай: он сам в своей безлепой гибели повинен. А Астрида – она ни при чём. Мужу своему почившему, ярлу Ульву, верность хранила – и токмо. Ну, маленькая моя, не плачь, не горюй. Помни: всё в руце Божией.

Предслава опять вытирала кулачками слёзы, опять смотрела на Владимира своими пронзительными глазами, и он опять невольно восхищался ею.

С того дня завязалась между отцом и дочерью тёплая крепкая дружба.

Глава 5

Над Киев-градом повисло тяжёлое жаркое марево, было сухо, раскалённая земля потрескалась, палящее солнце сушило травы на загородных лугах и пастбищах. В настежь раскрытые окна княжеского дворца врывался удушливый запах гари вперемешку с дымом из слобод. На дворе царили извечные суета и шум, клубами поднималась вверх густая серая пыль от снующих туда-сюда скорых гонцов.

Ещё по весне князь Владимир ушёл в поход на задунайских болгар. Предслава с братом и сестрой провожали его до южных ворот детинца, откуда широкой петлёй, взметаясь на вершины холмов, бежал торный шлях. Синели васильки, желтели огоньки одуванчиков, вдали, по правую руку, тёмно-зелёной полосой высился густой лес.

Юная княжна всё никак не желала расставаться с родителем и плакала навзрыд. Она упростила-таки Владимира позволить ей проводить рать до пригородного села Берестова. Князь посадил дочь впереди себя на коня и так ехал впереди дружины, в кольчуге и высоком остроконечном шишаке с наносником.

– Вот, доченька, как возвернусь, привезу вам со Мстиславою парчу на сряду[81], – говорил отец. – А ещё серьги привезу золотые, из самого Царьграда[82]. Ты не печалься, не кручинься. Вборзе я с сими болгарями разберусь. Рать у меня добрая, воины бывалые. Огонь и воду прошли. Ты мамку слушай и учителей своих. Всё лепо тогда будет.

Предслава глотала слёзы и молча кивала светленькой головкой в белом убрусе.

Но вот и Берестово открылось слева от шляха, огороженное дубовым тыном. На самой круче над Днепром широко раскинулся загородный княжеский терем, резной, изузоренный киноварью, украшенный по углам узенькими смотровыми башенками со стрельчатыми оконцами.

– Фёдор! – строгим голосом окликнул Владимир Ивещея, который тотчас подскакал к нему. – Остаёшься в Киеве. Княжну отвезёшь назад в город. И гляди, ничего чтоб с нею не приключилось!

– Слушаюсь, княже! – Ивещей приложил руку к сердцу и поклонился Владимиру. – Буду беречь её, яко зеницу ока.

Ложь боярина выдали сверкнувшие исподлбья, наполненные злобой глаза.

Предславе стало страшно, она крепче прижалась к отцу, снова расплакалась и сквозь слёзы, трясая головой, промолвила:

– Не хочу с ним ехать! Отец, отче!

– Да полно тебе, донюшка! Ну, чего опять расхныкалась? Фёдор тя до крепости токмо сопроводит, мамке передаст. Ну, полно. Негоже тако-то вот, на людях. Княжая дочь всё ж таки ты еси.

Слова отца действовали на юную княжну, она вытерла слёзы и послушно пересела к Ивещею. Боярин, пустив рысью свою гнедую кобылу, поскакал обратно к киевским воротам.

Мимо пролетали пригородные слободы. Княжна молчала, Фёдор тоже не вымолвил за время пути ни слова, только хмуро озибался по сторонам да злобно сплёвывал сквозь зубы. В душе его росла и крепла ненависть к князю. Даже в поход на болгар, и то не взял его с собой. Как будто позабыл Владимир, что отец Фёдора, Блуд, помог ему захватить киевский стол. А ныне окружили князя другие люди, им – слава, почести, гривны на шею, богатая добыча в походе. Его же, Фёдора, обошли, отодвинули, приставили, как дядьку какого-то, к этой плаксивой девчонке!

Ивещей горестно вздохнул, поправил на челе плосковерхую мисюрку[83], едва не галопом промчался через южные ворота и круто остановил кобылу посреди княжеского двора.

– Лиходей! Робёнка зашибить удумал! – прикрикнула на него выбежавшая на крыльцо Алёна. – Ну-ка, ступай ко мне, детонька! – Она стянула с седла Предславу, которая, впрочем, нисколько не испугалась быстрой езды. – Вот нажалуюсь я князю на тя! – погрозила мамка кулаком лениво сползшему с кобылы мрачному Ивещею.

Тот в ответ лишь досадливо махнул рукой и поспешил в нижнее жило.

...В разгар лета пришли вести, что Владимир занял град Переяславец-на-Дунае и ведёт с болгарами переговоры о мире.

– То добре, – говорил оставленный охранять Киев молодой воевода Александр Попович. – Сговорится князь с болгарами да воротится в Киев. Рухляди[84] разноличной навезёт, пир учинит. Вборзе, Предславушка, родителя свою узришь.

Но время шло, а князь и дружина всё не возвращались. Меж тем стольный град жил своей обычной жизнью: трудились в слободах ремесленники, шумел на Подоле, возле пристани, торг, скакали по шляхам скорые гонцы.

В летний зной Предслава вместе с Позвиздом и Златогоркой бегали втайне от мамок и учителей на Днепр купаться. Дочь конюха плавала, как рыба, и смеялась над княжескими отпрысками, которые едва умели держаться на воде.

Резвясь, они окатывали друг дружку водой. После городской жары и пыли на берегу было особенно приятно и весело. Потом они лежали под сенью раскидистых дубов и болтали о чём придётся, то и дело взрываясь в жарких спорах. Однажды речь зашла о походе Владимира на болгар.

– Что-то долго батюшка не едет. Не приключилась ли труднота какая? – беспокоилась Предслава. – Слыхала я, в степях печенеги[85] рыщут, нападают на всякого проезжего.

– Да брось ты! – отмахнулся от неё Позвизд. – Наш отец столько раз сих печенегов бивал, что они уж и убоятся. Просто ты вот думаешь, как оно, просто, что ли, переговоры вести? Тут надобно, чтоб и дружина довольна была и чтоб те, которые в Киеве остались, внакладе не были. Вот и оговаривает отец условия, на коих мир заключить. Тако дядька мой давеча[86] баил[87].

– А вот бы нам тож в поход пойти, – мечтательно промолвила, забросив руки за голову и устремив взор в ясное голубое небо, Златогорка. – Потрепать бы печенегов ентих. Чтоб забыли на Русь дорогу!

– Тебя там только и не хватало! – ворчливо заметил Позвизд.

– А что?! Да я, если знать хошь, и саблю в деснице[88] держать смогу, и коня взнуздаю! А из лука с малых лет стрелять навична!

– Богатырка ты наша! – насмешливо промолвил Позвизд.

– И неча вам смеяться! – Златогорка возмущённо наморщила лоб. – Думаешь, девица, дак не смогу!

– Полно вам спорить, – оборвала её Предслава. – Я всё ж таки об отце тревожусь. Давно от него вестей нет.

Позвизд, ничего не ответив, передёрнул плечами.

С восточной стороны, из-за Днепра, медленно напозла на Киев тяжёлая грозовая туча. Заметив её приближение, дети засобирались домой. Уже одевшись, они были готовы покинуть лоно гостеприимного дуба, когда вдруг до слуха их донёсся необычный плеск воды внизу.

– Что енто тамо? – Любопытная Златогорка подбежала к обрыву, но тотчас резко бросилась обратно. – Тамо!.. – Она неожиданно перешла на шёпот и приложила к губам палец. – Люди какие-то. В шапках мохнатых, комонные[89].

В глазах девочки полыхнула тревога.

– Ну-ка, давайте подберёмся, поглядим. – Предслава ухватила за руку растерявшегося Позвизда и потянула его за собой.

С прибрежной кручи были хорошо видны всадники на стройных статных скакунах. Предслава насчитала их около двух десятков. Все они были в коярах[90] или в кольчатых каланты-

рях[91], головы большинства покрывали широкие бараньи шапки, хотя на нескольких княжна заметила плосковерхие лубяные аварские шеломы[92], скреплённые железными пластинами. За спиной у каждого висел лук и колчан со стрелами, на поясах блестели кривые сабли в ножнах, к локтям были привешены небольшие округлые, обтянутые кожей щиты. Одни вершники вылезли из воды и отряхивались, другие ещё плыли на плотах, сшитых из растянутых лошадиных шкур. Концы шкур были привязаны к хвостам коней, и те, понукаемые плетью и негромкими возгласами, вплавь переправляли их на берег.

– Это ж поганые![93] – испуганно прошептал Позвизд.

– Так. Вот что сделаем. Тотчас поторопимся в детинец. И воеводе Александру о том, что тут видали, скажем, – распорядилась не потерявшая присутствия духа Предслава. – Ты, Златогорка, дуй вперёд, у тебя ноги быстрые, на Подоле людей упреди. А мы с Позвиздом следом, в гридницу княжескую.

Мчались домой что было сил, вздымая босыми ногами пыль на дороге. На острые, ранящие стопы камни не обращали внимания – было не до того. Уже и не помнила Предслава, как очутилась на княжьем дворе, как ворвалась в гридницу, расталкивая ошеломлённых гридней.

– Воевода Александр... где?! – срывающимся голосом вопрошала она, ища глазами знакомое узкое лицо Поповича с вислыми пшеничными усами.

И когда увидела, наконец, перед собой этого удалого храбра-рубаку, то выпалила вмиг:

– Печенеги... возле берега... Днепр переплывали. Два десятка, не менее... Мы их... с кручи видали... Там.

Она указала рукой в сторону реки.

Александр спокойно, с хитроватым прищуром осмотрел девочку и её спутников, затем перевёл взгляд на толпившихся в гриднице воинов, недовольно крикнул:

– Чего встали? А ну, мечи в руки – и ко берегу! Илья, сотню ратников бери – и вперёд! А остальным – ворота на запоры, да на стену! Ну, живо, живо! Али не слышали, о чём княжна повестила?!

– Ты... ступай, – ласково сказал он девочке и, отвернувшись, тотчас позабыл о ней, занятый приготовлениями к грядущему выступлению.

Златогорка дёрнула подругу за рукав платья.

– Предслава! Пойдём на стену взберёмся, – предложила она. – Может, узрим, как наши с печенегами рубятся.

– Пошли!

Увлекая за собой и Позвизда, девочки выскочили из гридницы на крыльцо и по саду прокрались к надломанному колу в частокоче. Перебравшись через него, они пересекли широкую улицу и, миновав врата Десятинной церкви, вскоре оказались возле бревенчатой стены детинца.

– Нельзя туда! – преградил им путь у подножия узкой деревянной лестницы усатый страж. – Не велено никого пущать!

– Дяденька! Да мы взглянуть токмо! Единым глазком! – взмолилась Предслава.

– Сказано: не пущу! – проворчал стражник.

Для большей убедительности он погрозил им зажатым в деснице копьём.

Предславе с приятелями осталось лишь горестно вздохнуть. Впрочем, Позвизд тотчас жестом поманил девочек к себе и заговорщически прошептал:

– Есть одно место. У ворот Лядских. Пробраться мочно. Страж тамо добрый, бывший дядька наш, Поликарп.

Недолго думая, босоногие дети поспешили обратно – мимо княжьего двора и Десятинной церкви в южную часть детинца. Повсюду на улицах царили суматоха и шум. На Предславу едва не наехала запряжённая ленивыми волами телега. С гиканьем проскакал в сторону дворца вершник на взмыленном скакуне.

Пропетляв по кривым улочкам, Позвизд вывел девочек к Лядским воротам, плотно запертым на все засовы. Стражи здесь было не меньше, чем у северных врат города, но юный княжич, не робея, стал взбираться по крутой лестнице на глядень.

– Сотника Поликарпа нам сыскать надоть, – отвечал он на недоумённые вопросы дружинников. Златогорка и Предслава спешили за ним вослед. Так они пробрались в сторожевую башенку с треугольной крышей, выкрашенной в зелёный цвет.

Сотник Поликарп, полный седобородый старик, охая и вздыхая, сокрушённо качая головой, пытался увещать детей:

– Неча вам тамо деять. А еже стрела шальная! Печенегы – стрелки ловкие. На лету жаворонка в небе бьют!

– А мы сторожко, – возразила ему Предслава. – За зубьями укроемся да поглядим маленько.

– Ох, и как с вами быти! Ну что ж. Ступайте. Токмо глядите, тихонько чтоб, и ворочайтесь по-быстрому.

Довольные дети прошмыгнули на дощатую площадку заборолы.

Со стены открывался вид на Перевесище – поросшие густым лесом овраги, где князь Владимир часто устраивал ловы. По правую руку от него тянулась дремучая пуща, уходящая за окоём. С другой стороны вдалеке, за крутыми холмами, выглядывали строения Берестова.

Предслава, Позвизд и Златогорка проследовали вдоль стены, перебегая через стрельницы и узкие площадки, к юго-восточному краю крепости. Отсюда виден был Днепр, зоркий глаз разглядел бы даже пенящиеся барашки волн. Солнце косыми лучами било в лицо. Предслава, прикрыв глаза ладошкой, смотрела, как, извиваясь серебристой струёй, выехала к берегу Днепра дружина, различила по красному плащу воеводу Александра, который, взмахивая рукой в булатной рукавице, отдавал распоряжения. Вот один отряд воинов отделился от дружины и помчался по шляху вдоль реки, другой, вздымая пыль, поскакал в сторону Вышгорода, на север.

– Сторожевые отряды посылает, – пояснил Позвизд. – Видно, не настиг печенегов. Быстрые они, мигом в степь сиганули.

– Эх, мне б туда! – воскликнула Златогорка. – Я б их догнала!

Позвизд, криво усмехнувшись, передёрнул плечами.

Сзади раздался тяжёлый грохот сапог.

– А вам чего здесь надо?! – рявкнул за спиной у Предславы голос Ивещея. – А ну, вниз! И кто вас токмо сюда пустил!

Боярин грубо ухватил Златогорку за косу.

– Ты, смердова дочь, закопёрщица в сем деле?! Всё средь княжких чад баламутишь! Я от те задам!

Златогорка, вдруг ловко извернувшись, укусила Ивещея за руку, да так сильно, что у того на ладони проступила кровь.

– Ах ты, дрянь! – взвизгнув от боли, боярин отдёрнул руку.

– Бежим! – крикнула Предслава и бросилась вниз по лестнице.

Позвизд и Златогорка поспешили за ней. Вслед им долго ещё неслись проклятия Ивещея.

Вечер того дня прошёл спокойно, хотя воротившийся в крепость воевода Александр был необычно хмур. Строго-настрога приказав охранять все городские ворота, он до рассвета сидел в своей палате, не смыкая очей. Чужало сердце отважного воина – не случайно рыскали окрест Киева печенегы. Грядёт, по всему видать, на Руси тяжкая пора лихолетья.

Глава 6

Ратник в кольчуге и остроконечном шишаке на голове, устало покачиваясь из стороны в сторону, въехал в ворота княжьего двора верхом на взмыленном измождённом коне, роняющим на песок хлопья желтоватой пены. Гридни помогли воину спешиться, протянули корчагу с олом[94]. Гонец долго и жадно пил, по пыльному лицу его текли хмельные янтарные струи.

Шумная гридница мигом притихла, когда он, выбиваясь из сил, тяжело рухнул на скамью и отрывисто промолвил, исподлобья глядя на воеводу Александра:

– Печенеги, воевода! В силе тяжкой! По Витичеву броду прошли! У Тумаща сёла пожгли. Идут к Белгороду! Скакал к тебе, нарвался на засаду возле Ирпеня! Трёх спутников потерял, подстрелили, поганые! В Белгороде ещё у одного пленника выпытали: ведёт печенегов изменник Володарь со братом. Он их сговорил.

Гонец замолк, голова его тяжело повисла над столом. Только сейчас дружинники заметили, что ратник ранен, на правом боку его под кольчужной рубахой проступает кровь.

– Лекаря вборзе! – крикнул Александр и стал наскоро отдавать распоряжения: – Поликарп, на полуденной стене людей поставь! Ворота крепко-накрепко на запор! Путша, на северную стену ступай! Глядите окрест! А я в сторожу, к Белгороду, коней самых быстрых возьму!

– Стоит ли, воевода, так тебе рисковать? – осторожно заметил бывший тут же Фёдор Ивещей. – Сказано ведь: в силе тяжкой печенеги идут. Нарвёшься на них, так и голову потерять недолго.

– У страха, Фёдор, глаза велики. Тако говорят. – Воевода молодцевато тряхнул пепельными кудрями. – Хочу сведать, правда ли, что велика рать вражья. Может, в чистом поле с ими сойдёмся да отгоним.

– Володарь, воевода, не тот человек, чтоб попусту кулаками махать, – качая головой, возразил старый Поликарп. – Учужал он добычу. Проведал, что князь со дружиною на болгар ушёл.

– Верно выбрал час, когда напасть. Ведомы сего переметчика волчьи повадки, – добавил кто-то из отроков за столом.

– А всё ж надобно поначалу разведать. Киев осаде подвергать не хочу. И трусливо за градскими стенами отсиживаться, чтоб смеялись потом надо мною, – нет, не будет такого! – Александр решительно поднялся из-за стола и поправил висящий на поясе тяжёлый меч. – Как я сказал, тако и содеем!

Гридница вмиг опустела, только явившийся по зову воеводы лекарь с двумя слугами принялся осторожно разоболочать теряющего сознание, стонущего от боли раненого гонца.

...Предславе не сиделось дома, тайком от Алёны и Ферапонта она со Златогоркой снова взобралась на стену у Лядских ворот.

Внизу клубилась густая пыль, но здесь, на высоте, воздух был прозрачен и прохладен, дышалось легко и вид открывался на многие вёрсты. Выглядывая из-за зубцов стены, девочки всматривались в даль. Вот шлях, по которому уходил в поход на болгар князь Владимир, вот Халепье видно далеко на юге, а дальше, ниже по Днепру, едва различимы дубовые стены хорошо укреплённого Витичева. Там – брод, переправа, оттуда обычно приходят на Русскую землю непрошенные гости.

Предслава углядела, как отряд в пятьдесят всадников во главе с Александром выехал из ворот внизу и скрылся в густых клубах пыли, как взметнулась со стены вверх с гиканьем стая ворон, как спешили с Подола под защиту стен жители киевских предместий, кто пеший, кто на обозах. Город наполнялся многоголосьем, шумом, суетой. Стоя на коленках, княжна жадно всматривалась в происходящее. Златогорка, обхватив её рукой за плечи, сидела рядом, замев, словно боясь шелохнуться. Девочки ещё плохо представляли себе, что это за печенеги

такие и каковы бывают сечи с ними. От Алёны Предслава немного узнала о Володаре. Это был, по словам мамки, сын одного из побеждённых Владимиром племенных князей, родом, кажется, с Волыни. В Киеве юного сироту вместе с младшим братом приняли, как родного, обласкали, взяли на службу. Но, видно, не забыл Володарь прежних обид, пошёл против князя Владимира, бежал из Киева к печенегам и стоваривает их теперь захватить и сжечь стольный град. В воображении маленькой Предславы Володарь представлялся каким-то злым старым демоном, Кощеем седобородым, пьющим кровь невинных детей. Становилось страшно, но страх пересиливало любопытство, оно-то и гнало её на заборол крепостной стены, заставляло втайне от мамки и челядинок карабкаться вверх по ступенькам в сопровождении верной подруги.

То ли солнце внезапно блеснуло в глаза, то ли что иное, но Предслава вздрогнула и едва не вскрикнула от испуга. Затем она разглядела: над сторожевой башней Халепья запылал огонь.

– Гляди! – высвободившись из объятий подруги, крикнула она Майе. – Огонь!

– Где?! – тотчас оживилась Златогорка. – Ага, вижу! Надоть ратников подымать вборзе!

Она засуетилась, побежала по заборолу, крикнула:

– Дяденька Поликарп! В Халепье огонь зажгли! Знак подают! Беда тамо!

Предславу кто-то больно ухватил за руку. Обернувшись, она увидела злое колючее лицо Ивещей.

– Опять тут! Выпорю-от! – прорычал боярин. – Вот упрямая девчонка!

Он поволок княжну вниз по лестнице.

– Не смела чтоб боле на стену лазить! Печенеги под городом, стрелы метать почнут, арканы, сулицы![95] Что я потом твоему отцу скажу?! Велено тебя беречь! Запру ты в бабинце! Под замком отныне посидишь, с мамкою своею! А с Майей, подружкой твоей разлюбезной, разберусь я после!

Отведя девочку в терем, Ивещей грубо втолкнул её в бабинец и зло обругал рослую челядинку:

– Очей чтоб не спускала со княжон! Худо иначе будет!

...Александр Попович воротился в Киев вечером, в ярком свете розовой зари. Лишь около половины отряда ратников сопровождала его в город.

– Печенеги в силе великой. Белгород обступили, Халепье штурмом взяли, одни головёшки после себя оставили! – рассказывал он ночью в гриднице боярам. – Сам я едва отбил, схлестнулись под Берестовом, на возвратном пути. Полсторожи потерял. В общем, Киев надобно оборонить, иного нет. В чистом поле нам не выстоять, – заключил он, внимательно всматриваясь в лица собеседников.

Ражий толстомордый боярин Синиша Борич испуганно тупил взор и тяжело вздыхал, старый Коницар сокрушённо цокал языком, Фёдор Ивещей злобно покусывал вислый ус. Лица большинства других выражали беспокойство и страх.

«Да, на ентих не положишься! Токмо за шкуру свою бояться да за земли, за холопов своих, за добытки. Помани перстом, дак, верно, и к Володарю переметнутся тотчас, – думал молодой воевода, едва скрывая презрение. – Зря князь Владимир всех лучших, хоробрых и опытных, в болгары увёл. Хотя что князя хулить! Своею главою думать надоть!»

– Ступайте и каждый отроков и холопов своих оборужайте! Не ровён час, подступят поганые ко стенам киевским! – приказал он, хмуро сведя брови.

Бояре нехотя вставали с лавок и один за другим скрывались в дверях палаты. Александр, застыв у забранного слюдой окна, всё думал, как быть. Мысли на ум приходили неожиданные и смелые.

Глава 7

Наутро в городе поднялась суматоха. Проснувшаяся Предслава долго не могла понять, в чём дело. Наконец прибежала Алёна и пояснила ей: печенег обступили Киев.

На душе у девочки стало как-то жутковато.

«А вдруг ворвутся они, всех нас убьют!» – с ужасом думала Предслава и невольно прижималась к мамке, которая хоть и пыталась, но не могла успокоить воспитанницу.

Княжон пригласили на завтрак, они сидели вместе с великой княгиней Анной, сестрой ромейских базилевсов, в палате на гульбище. Маленькая дочь Анны Прямислава расхныкалась, строгая мать цыкнула на неё и велела челядинкам вывести плаксу из-за стола. Зато рябая Мстислава, казалось, вовсе не обращала внимания на царящий вокруг тревожный гомон. Она с довольным видом уплетала кашу сорочинского пшена[96] и искоса с насмешкой поглядывала на хмурую Предславу. Возле неё угрюмо ковырял ложкой в миске с едой тщедушный Ярослав – болезненный и хромой мальчик, родной Мстиславин брат, которого, по словам Алёны, едва выучили ходить. Ярослав жил со своей матерью, одной из многочисленных наложниц князя Владимира, отдельно за городом и только из-за осады Киева кочевниками был на время перевезён в княжеский терем. Чувствуя себя чужим посреди множества незнакомых лиц, в окружении роскошных ковров и драгоценной посуды, княжич сильно смущался, краснел и тревожно озирался по сторонам. Наконец, решившись, он зашептал что-то на ухо Мстиславе, и сестра, вдруг прыснув со смеху, громко ответила ему с презрением в голосе:

– Ишь, домой захотелось! Да в доме твоём, верно, поганые рыщут! Сиди уж! А то заладил: когда да когда домой поедem! Дурья башка!

Ярослав сильно смутился и замолк. В тревожном молчании дети закончили утреннюю трапезу.

Явился отец Ферапонт, как подобает, земно поклонился княгине, испросил разрешения увести детей на учение.

– Приступай, отче! Хоть и тяжкий ныне час, да без грамоты никуда! – ответила ему холодным размеренным голосом Анна.

Сама княгиня велела облачить себя в кольчугу и поторопилась на заборол.

...Слова Ферапонта то и дело обрывали крики за окнами.

– Может, там бой идёт, а мы здесь сидим, за писалами и берестой! – шептала на ухо Предславе нетерпеливо ёрзавшая на скамейке Златогорка.

В слюдяное окно вдруг ударила тонкая стрела. Слюда разлетелась вдребезги, а непрошенная пришелица глубоко вошла в дощатый столб посреди горницы. Предслава с опаской посмотрела на колеблющееся оперение стрелы и её длинное древко.

Встревоженный Ферапонт поспешил увести детей из палаты на нижнее жило и велел холопам затворить ставни на окнах. Позвизд, улучив мгновение, выдернул стрелу и взял её с собой.

Как только урок окончился, Предславу отвели назад в бабинец. Снова ловила она шум за окнами, беспокойно прислушивалась, но за плотно прикрытыми ставнями было плохо слышно, что происходило в городе.

Потом снова была трапеза в покоях княгини, затем на Киев спустился вечер, на смену суеде пришла тревожная напряжённая тишина. Алёна уложила девочку спать, но Предслава всё никак не могла успокоиться. Наконец она заснула, и приснился ей вдруг Фёдор Ивещей, злой, скрежещущий зубами, в бараньей шапке на голове, с окровавленной кривой печенежской саблей в деснице.

«Я – печенег! Я маленьких детей пришёл убивать! Изведу весь род ваш!» – кричал он, брызгая слюной от ярости.

Предслава в ужасе проснулась, разбудила мамку и по её совету встала на колени перед иконами. Она долго молилась в ночной тишине, тяжёло нависшей над осаждённым городом. После она снова легла и заснула, на сей раз глубоко и спокойно. Конечно, юная Предслава не знала и не догадывалась о том, что в эту ночь под стенами осаждённого врагом Киева происходят весьма важные события.

Глава 8

С заборолы крепостной стены открывался вид на огромный вражеский лагерь. В сумеречной темноте ярко горели десятки разведённых печенегами костров. Ржали кони, блеяли овцы, снизу шёл терпкий запах варящейся шурпы. Александр высунулся было из-за зубца стены, но тотчас по шелому его скользнула стрела, пропела возле уха, скрежетнула с просверком по железу, впилась, совершив крутой полукруг, в самое острие зубца.

Воевода отпрянул, спрятался за дощатым выступом.

«Стерегут, сволочи!» – Он смачно выругался.

Приходилось ждать, набравшись терпения. Александр спустился по крутой лестнице во двор, осмотрел огромные чаны со смоляным варом, похвалил мужиков, беспрерывно подбрасывающих в костры под чанами хворост, затем прошёл в молодечную. Там уже ждали удачные добры молодцы, хлебали ол и мёд, готовили к бою булатные мечи, начищали доспехи и шеломы.

Александр, обедая взором вмиг притихших воинов, чуть заметно улыбнулся. Эти свои, не подведут! Или лягут костыми, или... Да что там говорить, что думать? Всё уже думано-передумано, перетолковано не один раз. Знают ратники его, Александра, замысел. Знают и одобряют. И ведают, что надёга у них теперича единая – на внезапность, на то, что не успеют степняки очухаться. А что меньше их в пять, а может, и в десять раз, того во тьме не узришь.

– Рано ещё, – коротко отмолвил воевода в ответ на немые вопросы дружинников. – Сожидать надоть.

Он подвинул скамью, сел рядом с остальными. Долго молчали в тревожной тишине, лишь слышалось потрескивание в печи объётого пламенем дубового кряжа. Но вот решил Александр подбодрить воинов добрым словом.

– Не бойтесь никого, други! Печенеги – они ить токмо когда летят, на скаку полным, страшны. А тако! – Он небрежно махнул рукой. – Да переколотим мы их!

– Не за себя – за жёнок, за чад малых боимся, – ответил Александру молодой Добрило Пересвет. – Врата открывать придётся. Как бы не хлынули в проём.

– Хитрее содеем, – оживился воевода. – Ты, Добрило, возмёшь десятка два отроков под начало, спустишься не приметно со стены к Почайне и стрелами огненными вежи печенежьы подожжёшь. Сумятица тогда в стане ихнем начнётся, и в тот же час мы чрез ворота на них рванём, на полном скаку.

– Длани чешутся. Доколе ждать? – вздохнул один из воинов в дальнем углу молодечной.

– Скоро. Пойду гляну. – Александр поднялся со скамьи. – Добрило, со мной ступай. И ты, Илья.

...Тишина царил под стенами осаждённого Киева, только по-прежнему горели далеко внизу костры, отбрасывая отблески на тёмные стволы деревьев, остатки сожжённых хат у дороги да на величавую гладь стремительного Днепра. И уже никто не пустил стрелу в поднятый Александром на длинном копье над стеной шишак[97].

– Пора, – вполголоса коротко промолвил воевода.

На стену поднялись отроки, начало над которыми взял Добрило Пересвет.

– С Богом, други! – Александр перекрестил и облобызал каждого из них.

«На смерть ить идут! – простучала у него в голове мысль, но он усилием воли отбросил её в сторону. – Не время сожалеть. Киев спасать надобно».

Вокруг зубцов в нескольких местах привязали длинные верёвки и арканы. По ним воины один за другим спускались вниз. Когда наконец последний ратник исчез во мраке ночи, воевода поспешил назад в гридницу – подымать остальных.

Они долго стояли, конные и при оружии, перед закрытыми воротами. Наконец со стены пробежал отрок с копьём в деснице и громко прошептал:

– Есть. Подождли. Шум, пожар в лагере.

– Тогда вперёд! Отпирай ворота, Никодим! Костями поляжем, но не осраим славы земли Русской! – В свете факела воевода выхватил из ножен меч и прямой рукой дал знак к началу сражения.

На ретивых конях вынеслись добры молодцы на шлях, бросились очертя голову к горящим кострам. И пошло-поехало. Взметались ввысь боевые палицы, сыпались потоком сулицы, поднимались и опускались булатные мечи, скрежетали копья. Застигнутые врасплох, печенеги почти не оказывали сопротивления и бросались врассыпную. Вот захвачена одна вежа, вторая. Какой-то степняк в кожаном доспехе не успевает наложить стрелу на лук и падает с диким провизгом под копыта. Другой печенег, огромный, чубатый, со зверским оскалом, летит на Александра справа. Этот комонный, в шеломе, по всему виду, воин добрый. Но воевода хитёр и ловок. Уворачивается он от вражьего аркана, в мгновение ока пригнувшись к шее коня, а затем сбоку, неожиданным резким ударом сносит с плеч вражескую голову, рубит наотмашь, так, что голова печенег вместе с правой рукой – отвалом – падает вниз в одну сторону, а остальное тело – в другую. Всю злость свою вложил Александр в этот удар, а затем, не останавливаясь, не сбавляя бега быстрого скакуна, помчал он к ханскому шатру. Хотелось добраться поскорей до изменника Володаря – вот уж кому не видать пощады!

Везде вокруг слышался яростный звон булата. Несколькими ударами конницы дружинники рассекли нестройные ряды опомнившихся степняков на части. Думая, что это сам князь Владимир привёл свои рати из Болгарии на выручку осаждённому Киеву, печенеги стремглав побежали вниз по Днепру, к переправе на левобережье.

Вот впереди высокий ханский шатёр на повозке. Чернокожая печенеженка, визжа от страха, прыгает вниз. Звенят мониста, катятся, рассыпаясь по войлоку, драгоценные жемчужины. Нукер[98], метнувшийся воеводе навстречу, падает с рассечённым лицом к его ногам. Слева и справа ещё кипит бой. Но вот утихают, уносятся вдаль звуки битвы. Двое ратных вносятся в шатёр раненого Добрилу. Слабая улыбка бежит по устам слабееющего ратника.

– Наша перемога![99] Получилось, – шепчет удатный молодец и слегка подмигивает бросившемуся к нему воеводе.

– Что с ним?! – вопрошает Александр, с испугом глядя на облитую кровью русую бороду Пересвета.

– Копьём в грудь ударили. Даст Бог, выживет. Муж крепкий, – тихо отмолвил кто-то из ратных.

На востоке, за гладью Днепра, забрезжил розовый рассвет. Александр спустился к берегу Почайны, напоил усталого коня, зачерпнул шеломом чистой воды, напился сам. Трое воинов волокли ему навстречу кого-то отчаянно упирающегося.

– Володаря поймали! – захлёбываясь от радости, сообщил воеводе молодой отрок с едва пробивающимся над верхней губой пушком. – А брата его засекли наши у переправы.

И вот уже стоит перед Александром высокий худощавый тёмнолицый воин в порванном юшмане[100], в сбитой набок шапке-мисюрке на курчавых тёмно-русых волосах. Чёрные глаза источают огонь ненависти.

– Что, твоя взяла?! – зло усмехнувшись, прохрипел изменник. Он держался спокойно и гордо, зная: пощады ему не видать. Слишком много насолил он князю Владимиру и его воеводам.

«А молод же, – подумал вдруг про Володаря Александр. – Жить бы, как доброму человеку, творить дела достойные, а он!»

Воевода отогнал прочь жалость к пленнику. Промолвил строго:

– Вот что, погань! В сем бою ночном ранен излиха друг мой лучший, Добрило Пересвет. Дак вот: ежели выживет он, оклемается, будешь и ты жить до суда княжого. И после я за тебя перед князем Владимиром просить стану. Но еже... еже помрёт Добрило, сам я, енто-от десницей, волчью голову те с плеч снесу! Понял?!

Володарь промолчал, снова криво усмехнувшись.

– А покуда, – заключил Александр и глянул на отроков, – в поруб[101], в клеть сырую отметника! На хлеб и воду!

Круто повернувшись, он пошёл в сторону города.

Глава 9

На колокольне Десятинной церкви с утра весело трезвонили колокола. Народ спешил на улицы, ещё не понимая, что к чему. В храме, куда с утра повели Предславу с сёстрами, царила торжественность. Епископ Анастас в сопровождении архидиаконов, в праздничной ризе, в митре на голове, объявил во всеуслышанье об «одолении на враги».

– «Так говорит Господь о царе Ассирийском: не войдёт он в сей город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала. Тою же дорогою, которою пришёл, возвратится и в город сей не войдёт...»

Такожде и о печенегах сих, кои поганые сущи. Внял Всевышний молитвам нашим и великую милость Свою явил нам, грешным, избавив от народа лютого и прегордого, от мечей острых и стрел калёных.

Сказано в Книге Царств: «И случилось в ночь: пошёл Ангел Господень, и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мёртвые. И отправился, и возвратился царь Ассирийский, Сеннахирим[102]».

Яко злой нечестивый Сеннахирим, бежал прочь от земли нашей князь печенежский, лютый Тимарь, гонимый гневом Божиим. Возликуйте же, братия, и восславьте Господа нашего, что не дал погинуть вам под саблями народа лютого, – вещал Анастас.

К Предславе протиснулась Майя Златогорка в белом праздничном убрусе на голове.

– Ишь, как заливается. Как будто не ратники наши с воеводой Александром, а его Бог печенегов ночью порубал.

– Молчи, не понимаешь ты ничего! – цыкнула на неё Предслава. – Без Божьей помощи ни одно доброе дело не сладится.

Княжна строго, с непониманием посмотрела на насмешливо улыбающуюся подружку и пожала плечами.

«Неужели Майя – нераскаянная язычница?! – вдруг стукнула ей в голову мысль. – Ведь не в первый раз бает соромное[103]. Выходит, слова Ферапонта и Священное Писание до её души не доходят?»

Предславе стало как-то не по себе, даже немного стыдно за подругу. Впрочем, та вскоре отвлекла её от невесёлой думы.

– Пойдём на площадь пред теремом. Тамо пленных печенегов проведут.

... На улицах внутри града было полным-полно люду. Гомон, крики, свист вмиг оглушили юную княжну. Откуда-то сверху к ним подбежал запыхавшийся Позвизд.

– Гляди, ведут. Вот он, Володарь! – указал княжич на горделиво выступающего молодца в рваной сряде, с завязанными за спиной верёвками руками. Всем своим видом пленённый переметчик выказывал пренебрежение к собравшейся толпе. Вышагивал медленно, высоко вздергивая голову, посаженную на тонкую длинную шею с острым кадыком. И как-то вдруг сошлись его чёрные, исполненные презрения и ненависти очи с глазами маленькой Предславы. Было одно мгновение, яркое, запомнившееся княжне на всю жизнь, что-то словно бы кольнуло, обожгло её, в миг этот она по-взрослому поняла, почувствовала внезапно: многожды ещё столкнутся, пересекутся на жизненном пути их судьбы. Почему так, почему она это почуяла со всей ясностью, юная княжна не знала. Ведала одно: так будет. Будет и доброе, и злое, и необходимое, и ненужное вовсе, вредное. Как будто нитью незримой связана она с этим надменным гордецом.

Володаря бросили в темницу в подпол, а она до вечера никак не могла прийти в себя и всё думала о нём, безучастно наблюдая за играми Златогорки и Позвизда во дворе у княжеских хором.

Глава 10

У боярина Фёдора Ивещея в тот день заботы были иные. В высоком тереме, широко раскинувшемся над кручей Киевской горы, на роскошно убранном ромейским шёлком и паволоками ложе тихо умирал его отец, старый Иона-Блуд. Умирал, всеми забытый, попавший в немилость и устранённый, отодвинутый от больших дел. Мелкой дрожью тряслась голова старика с белой долгой бородой, он временами впадал в беспамятство, тихо бредил и шептал непонятные Фёдору слова.

«Кончается отец! – Фёдор с жалостью и состраданием смотрел на бледное, иссушенное старостью и болезнями лицо умирающего. – А экие замыслы великие таил! При князе Ярополке выше всех прочих бояр вознёсся, первым советником, почитай, был. Переметнулся к Владимиру, выдал ему Ярополка с головою. Обещал Владимир чтить его заместо отца, да вот... Прогнал от себя и зреть не желает. Не ценит былых заслуг».

Где-то глубоко занозой сидела в голове у Фёдора мысль: «Ничего не стоит услуга, уже оказанная».

Хриплый шёпот старого Ионы-Блуда отвлёк его от размышлений.

– Совет тебе... дать хочу, сын, – довольно ясно проговорил умирающий боярин. – Владимира не держись. Обманет, как меня обманул... Другой князь нужен. Может, кто из сынов его... Един раз я... Ошибку створил... Предал Ярополка... Топерь бывшие Ярополковы ближники... нам с тобою – вороги... И Владимировы бояре – такожде... [104] Презирают... Хотя, если б не я, не сидел бы Владимир на столе златом киевском... Помни о том, сыне... Ещё помни: бояре – сила великая... Самая большая сила на Руси... Они, бояре, князя на стол сажают... Помни крепко-накрепко.

Удивительным было Фёдору слушать после тяжкого бреда ясные и мудрые слова родителя. А Иона тем часом продолжал:

– Знаю: многие бояре недовольны Владимиром. Вот ты с ими дружбу и води. Токмо сторожко. Боле сиди да выжидай, наперёд не лезь. Не наше то дело. Ты... исподволь, тихонько. А то вон как я...

Старик умолк, закашлял, слабеющей дланью вытер седые вислые усы. Улучив мгновение, Фёдор хмуро спросил:

– Что же мне делать? С чего начинать? Не любят нас тут.

По лицу Ионы-Блуда пробежала усмешка.

– Ты Володаря... из поруба свободы. Нощью, тайком.

– Володаря?! Это ещё зачем?! – воскликнул изумлённый Фёдор. – А вдруг кто прознает? Головы мне тогда не сносить!

– Говорил уже: ты тихонько, втайне. Олександр, поди, вожжи опосля сечи ослабил... Тако завсегда... Пьют ратные... Вот и ты... К им иди... Стражу у поруба мёдом напои, ключ возьми... Да что ты учить, не малое чадо... Вот что... В ларце, над подушками... Вон тамо... – Иона указал скрюченным перстом на старинной работы резной ларчик. – Подай мне. Видишь, склянка сия... Горошины в ей. Вот горошинку сию стражам в мёд подсыпь... Уснут сном мертвецким до самого утра...

– Боязно, отче. Опасное се дело, – покачал головой в сомнении Фёдор.

– Не бойсь... Спроворь, насоли князю Владимиру.

– Да на что мне Володарь сей? – Фёдор продолжал сомневаться.

– Дружков у его на Руси хватает. Да и... Пригодится он тебе. Чрез его ближе ко князьему столу будешь. Владимир ить не вечен.

– Однако же крепко на столе он сидит.

– Покуда так... Но ты пойми, сынок... Он меня обманул, опалой на услугу великую ответил... И не я один им обманут. Володарь – такожде... И иные многие... И... Ещё раз скажу: не вечен Владимир...

Фёдор промолчал, медленно, с сомнениями и раздумьями, но соглашаясь с отцовым предложением.

– И не мешкай. Мне пушай Хотен, брат твой, очи закроет. Чую, помру сей ночью... А ты... ступай, Володаря выпускай. С Богом!

Приподнявшись на локте, старый Иона перекрестил дрожащей дланью мрачного Фёдора и повторил слабым голосом:

– Ступай.

Ивещей, выйдя из покоя, спустился по лестнице на нижнее жило и кликнул младшего брата – ещё совсем юного Хотена.

– Побудь тамо, у отца, – велел ему Фёдор. – Кажись, помирает он. Меня не ищи до утра. В княжьих хоромы мне идти надоть.

Набросив на плечи лёгкий плащ с застёжкой-фибулой у левого плеча, Ивещей направился на княжеское подворье.

«Легко сказать – выпусти Володаря. Олександровы ищейки эти стерегут его, яко псы цепные», – размышлял он дорогой.

В потной ладони Фёдор сжимал завернутую в тряпицу горошинку.

Глава 11

Тихая лунная ночь опустилась на Киев, затихла работа в гончарских и кузнецких слободах, смолкло на Подоле шумное торжище. На крепостной стене в нескольких местах мерцали факелы, слышались время от времени оклики стражи, постукивало медное било[105].

Две тени неслышно крались вниз по склону горы. Боярин Фёдор Ивещей поминутно останавливался, переводил дыхание, отирал ладонью мокрое от волнения чело. Беспокойно прислушивался: не гонится ли кто за ними, не скачет ли погоня.

Но ничто покуда не нарушало ночной тишины.

Дело это, скользкое и рискованное, Фёдор не доверил никому. Лишь один старый верный холоп из отцовской прислуги был посвящён в его планы. Как раз он и угостил стражей возле поруба мёдом, попросил выпить «за исцеление боярина Ионы от тяжкой хворобы». После Ивещей всё створил сам: снял с пояса у сонного сотника связку ключей, отпер замки, вытащил из поруба Володаря, вывел его потайным ходом из детинца к увозу и вот теперь, переодетый в свиту из грубого сукна, спешил к переправе, где уже в камышах ждал их старый холоп с двумя свежими конями.

Поначалу шли молча, только внизу, у днепровского берега, Володарь вдруг спросил с усмешкой:

– Почто помогаешь мне, Фёдор? Какая тебе в том корысть? А ежели я вдругорядь[106] опять печенегов приведу?

– Есть корысть, – прохрипел в ответ Ивещей. – Я тебе помог, и, надеюсь, ты того не забудешь. Такжеже меня из беды выручишь, если что. Обоим нам князя Владимира держаться ни к чему. Тебя он вовсе прогнал, а я у его в опале. Даже на болгар не взял. И запомни, добр молодец: есть у тя в Киеве друг. И не один. Ага, вон и холоп мой знак подаёт. Вон кони осёдланные. Мчи в степь, друже Володарь. И не забывай, кто тебя от лютой смерти спас. Добрило-то, дружинник, помер ведь от ран нынче. Едва успел я...

– Хорошо, буду помнить. – Володарь легко вскочил на подведённого холопом скакуна. – Клянусь Перуном! Прощай же.

Привязав второго коня за повод к первому, он рысью поскакал к броду. Жёлтая луна освещала его путь.

– Тьфу, язычник нечестивый! Перуном клянётся! – Ивещей плюнул три раза через левое плечо и перекрестился со словами: – Прости, Господи!

Он благополучно пробрался в детинец через тот же потайной ход.

...Утром воевода Александр с обнажённым мечом в руке явился к порубу. К ярости и изумлению своему, он узрел стражей у клетки мертвецки пьяными. И хотя двери в темницу были заперты и ключи находились где подобает, но поруб был пуст.

– Где Володарь?! – орал в ярости Александр, тряся за плечи устало покачивающегося из стороны в сторону сотника.

Он едва сдержался, уже хотел снести нерадивому стражу с плеч голову.

Снарядил погоню, сам помчался левобережьем Днепра к Переяславлю, расспрашивал встречаемых людей, не видел ли кто уходящего в степь молодого вершника. Но всё было напрасно. Воевода и сам понимал бесполезность погони. Было ясно, что кто-то помог изменнику уйти. Кто-то, знавший о смерти от ран Добрилы Пересвета.

«Эх, жаль, тогда же, на поле бранном, не срубил я ему голову!» – Александр со скрежетом бросил меч в ножны.

С трудом подавил он в душе горькую досаду.

А на дворе Ивещеев в тот день хоронили старого боярина Иону-Блуда. Положили его во гроб в ограде храма Святого Ильи. Скромные это были похороны, куда больше людей шли проститься с удалым дружинником Добрилой Пересветом.

Среди прочих провожали в последний путь славного воина и Предслава с мамкой Алёной. Облачённая в чёрное платье, в траурном повое[107] на голове, Алёна плакала, тихо всхлипывая сквозь слёзы. Наверное, вспоминала покойного своего супруга, тоже сложившего буйную голову в бою с погаными. Глядя на мамку, всплакнула и Предслава. Следом за ними шёл хмурый Позвизд, держа в руке тонкую свечу. Возникла возле Предславы и Златогорка, она тихо шепнула на ухо подруге:

– Беда, княжна! Переметчик Володарь из поруба сбежал!

– Как сбежал?! – Предслава вмиг перестала плакать и испуганно вскрикнула. Вспомнился ей враждебный взгляд исподлобья чёрных очей. Страшновато как-то стало у девочки на душе. Почему так, понять она не могла.

Глава 12

Из похода на болгар князь Владимир возвращался в сиянии славы. Взяв верх в нескольких кровопролитных сечах, князь захватил Переяславец-на-Дунае, в котором и сотворил с болгарским правителем вельми выгодный для Руси мир. Много золота, серебра, дорогой рухляди везла в Киев обогатившаяся в походе дружина. Князя всюду славил, в честь его слагали звонкие песни.

Отшумело, отзвенело наполненное яркими красками буйное жаркое лето, под ногами громко шуршала сухая степная трава, желтела листва в густых дубовых рощах и лесах, раскинувшихся по берегам многоводной Роси. Промелькнули в стороне слева укрепления Богославля, взору открылось широкое поле, прозванное Перепетовским, заголубело впереди у окоёма Рутское озеро.

Заканчивался тяжёлый многовёрстный путь дружины, воины торопили коней, скакали вперёд, оставляя позади обозы с доспехами и оружием. Князь уже знал об осаде печенегами Киева и победе Александра Поповича.

«Прочу я ентих степняков! И до Володаря доберусь!»

Всё сейчас казалось Владимиру простым и легко разрешимым. Не думалось о том, что война с печенегами потребует многих трудов и жертв. Осознание этого придёт к Владимиру позже, теперь же он, в лёгком жупане[108] и алом развевающемся за плечами корзне[109], немного пригибаясь вперёд, к шее вороного скакуна, лихо нёсся по пыльному шляху впереди воинов. Чувствовал он себя молодым, сильным, словно и не было никогда ни боли в спине от долгой тряски верхом, ни прошлых разочарований, ни седины в бороде. Позади остался мост через Стугну[110], под которым когда-то в юности прятался он, разбитый ордой Тимаря, от настигающих печенегов.

Нахлынули внезапно в душу князя воспоминания. Как издевательски смеялась над ним тогда Рогнеда! Называла трусом, горе-воином! О Боже, почему она умерла так рано?! Пусть бы ненавидела его, пусть не прощала гибели родных и своего бесчестия, но... Ему нужна была (ох, как нужна!) эта её ненависть, её исполненные презрения глаза, её издевательский смех! Как не хватает ему её гордости! Испуганные лица покорных рабынь, готовых исполнить любую прихоть своего господина, заискивающие улыбки, лесть – как всё это надоело ему, князю, до тошноты! Но прочь, прочь, пусть уйдёт, отхлынет из души прошлое! Господу виднее, Он один только и определяет, какой у кого из смертных путь на белом свете.

Серебрилась под мостом внизу Стугна, вот уже и Василёв[111] с высокой колокольной показался впереди. Двое ратных отделились от отряда и подскакали к Владимиру.

– Княже! Сами мы василёвские. Отпусти родных повидать! – взмолился молодой дружинник в сером вотоле[112] и высокой войлочной шапке, которую торопливо стянул с кудрявой головы.

Его товарищ, постарше, с вислыми густыми усами, в которых пробивалась седина, и сабельным шрамом на щеке, молчал.

– Ну, что ж, Ратибор и ты... – Владимир припомнил имя старшего и улыбнулся. – Стемид! Поезжайте. Токмо про пир не забудьте. В день Рождества Богородицы учиняю! Коли опоздаете, выгоню из дружины! – шутливо, с напускной сердитостью добавил он. – Ну а мы далее скачем. Уж Киев недалече!

...В стольный въехали в жаркий полдень. Едва успел Владимир сойти с коня и снять при помощи холопов корзно, как подскочила к нему Предслава. Подпрыгнув, она повисла у отца на шее, смешно визжа от радости и восклицая:

– Батя! Батюшка!

«Хоть кто-то из родни меня любит!» – подумалось вдруг Владимиру, когда он огляделся по сторонам, уловив насмешливую улыбку рябой Мстиславы, хмуро понутившего голову Позвизда и косой неодобрительный взгляд хромого Ярослава.

Впрочем, мысль эта как пришла, так и ушла, утонула где-то на задворках сознания. Навстречу князю уже спешил с крестом в деснице епископ Анастас, а за ним следом шёл Александр, спаситель Киева от печенегов.

Приняв благословение святого отца, Владимир тотчас подозвал к себе, крепко обнял и расцеловал воеводу.

– Спаси ты Бог, Олександр Попович! Доблестью твоею и отвагою спасён ныне Киев-град от лютого ворога!

Князь торжественно повесил на шею Александра золотую гривну. Многие бояре завистливо закачали головами. Такая гривна была сродни огромному богатству.

В бабинец князь заглянул уже поздним вечером. Алёне подарил большую серебряную чашу, украшенную сказочными птицами. Не забыл и рябую Мстиславу, надел ей на запястье широкий пластинчатый золотой браслет с чеканным изображением оленя и воина с копьём в деснице. Раздав дары, князь проследовал в светёлку к своей любимице. Поцеловал улыбающуюся Предславу в чело, спросил об учении, об осаде.

– Не страшно ль было, дочка?

– Страшно, отче, – призналась девочка. – Особо... особо Володаря боюсь. Тёмный весь он какой-то, а очи так и сверкают.

– Володаря? – Владимир нахмурился. – Да позабудь ты о нём. Верно, не узришь николи его боле. Ты вот погляди лучше, что я тебе привёз.

Князь разжал сомкнутые пальцы. На грубой мозолистой деснице бывшего воина ярко сверкали маленькие серёжки с тёмно-синими самоцветами. Предслава ахнула от восхищения.

– Это тебе, – промолвил Владимир. – Носи на здоровье.

Юная княжна радовалась бесценному подарку. Лицо её светилось от радости и счастья. Тревожные думы о злодее Володаре ушли, покинули её, скрылись на время. Пройдёт много времени, прежде чем снова подступят к ней эти грозные, бередящие душу воспоминания. Пока же наступала мирная жизнь с её малыми и большими заботами и свершениями.

Глава 13

Немало лет минуло после осады Киева печенежскими ордами. Убит был в степи своими сродниками-соперниками хан Тимарь, воеводы Александр и Ян Усмарь ходили в степь за Сулу[113], пленили и привели на Русь другого хана, Родомана, вместе с тремя сыновьями. В Киеве, как всегда, шумно праздновали победы, закатывали на княжеском дворе многолюдные пиры, на которых рекой лилось вино и звенели яровчатые[114] гусли.

А меж тем на крутых обрывистых берегах Сулы, Стугны, Выстри[115], Трубежа[116], на гребнях старинных Змиёвых валов[117] росли, как грибы ранней осенью после обильного дождя, сторожевые крепости. Стучали топоры, визжали пилы, и вздымались ввысь, нависая над речными просторами, над степью, мощные дубовые стены со смотровыми башнями, с обитыми железом воротами и широкими площадками заборолов. Русь защищала себя от разбойничьих степных набегов, отодвигала, шаг за шагом, от своих рубежей лютые печенежьи орды.

Впрочем, были не только войны, были и миры, и долгие переговоры, бойко шла и торговля на степном пограничье.

Крепил князь Владимир и связи на Западе. Заключил он мирные договоры с князьями венгерским, богемским и польским. Жизнь на Руси постепенно поворачивала в мирное русло. И чтобы укрепить единство рыхлой разрозненной державы, в которой каждое племя сохраняло покуда свои обычаи, быт, молилось втайне старым языческим богам, велел возводить князь повсюду города, строить церкви на месте поганных капищ, посылал в разные концы Руси отряды дружин. В городах сажал Владимир на столы подросших сыновей. Святополку, сыну Ярополковой наложницы-гречанки, дал в удел Туров в земле дреговичей, Ярослава определил поначалу в Ростов, но после перевёл в Новгород, Мстислава отправил в далёкую приморскую Тмутаракань, Святослава – в Древлянскую землю, Станислава – в Смоленск. Настала пора получать столы и младшим сыновьям – Позвизду и двоим наипаче прочих любимым отцом чадам, рождённым от царевны Анны, – Борису и Глебу. Приняв решение, Владимир собрал сынов в горнице.

...Позвизду уже стукнуло шестнадцать, это был стройный смуглолицый юноша с редкой ленточкой усов над верхней губой и чёрными, слегка вьющимися волосами. Борис и Глеб рядом с ним казались совсем детьми, и Владимир даже засомневался: стоит ли отпускать их в дальнюю дорогу. Но князь не привык менять принятые уже решения, не любил гадать и сомневаться. Уверенным громким голосом он торжественно изрёк:

– Сын мой Позвизд! Даю тебе в удел Луцк. Город на Волыни, на Стири-реке. Будешь там суды творить, дани собирать. И помни: не спускай никому никоего лиходейства, ни боярину, ни людину. Устав мой о судах чёл?

– Чёл, – коротко отозвался княжич.

– Ну, так. Ты, Борис, чадо моё, Ростов получаешь в волость. Край дальний, но богат пшеницею, реками среброструйными, лесами дремучими с живностью разнообразной. А чтоб не скучно тебе было, по соседству с тобою, в Муроме, Глеб сядет. Вот так я порешил.

Собравшиеся в гриднице бояре согласно кивали головами. Был среди прочих и Фёдор Ивещей. Всё тшил он себя надеждою, что вспомнит о нём Владимир, отправит с кем из сыновей в волость. Но князь назвал других:

– Тебе, Позвизд, даю воеводою Синька Борича, тебе, Борис, – Никифора, тебе, Глеб, – Ратибора. На том слово моё крепко.

«Прав, прав батюшка-то был! – со злостью подумал Фёдор. – При Владимире ентом не вылезешь наперёд! Что ж делать? Или... с Володарем снестись? Но где его ныне сыщешь? А может, он уж и голову сложил на просторах ковыльных? Может, кости его во степи белеют где-нибудь? Давно вестей от него несть».

С мрачными тяжёлыми мыслями покинул Ивещей палату.

Меж тем на гульбище юный Позвизд прощался с Предславою. С восхищением смотрел княжич на сестру. В писаную красавицу превратилась дочь Рогнеды. Лицо белое, со слегка розоватыми щёчками-ямочками, в глазах – сероватая небесная голубизна, брови тонкие, соболиные, носик прямой и твёрдый, светло-русые волосы пробиваются из-под красочного повоя. В ушах переливаются серьги с синими самоцветами – с ними Предслава теперь никогда не расстанется.

Грустно княжне, ком подкатывает к горлу, тяжело разлучаться ей с любимым братом. С гульбища[118], держась за руки, они спустились в сад, встали под вишнею, где когда-то детьми лакомились вкусными спелыми ягодами. Долго молчали, вздыхали, вспоминали былое. Кончалась для обоих беспечная беззаботная пора детства. Наступала взрослая жизнь, жестокий безжалостный мир втискивал их в свои цепкие объятия. Оба понимали: невесть когда теперь смогут они увидеться.

– Вот, сестра, ты, может, замуж вскоре выйдешь, а там и я оженюсь. Чада народятся, – говорил Позвизд. – Навещать друг дружку станем.

– Ты верно молвишь. Мы... мы забывать не должны, – тихо сказала Предслава. – Куда бы нас судьбинушка ни разбросала... Давай грамотки будем слать на бересте один другому, да и... Помни, брате, николи не забывай: еже какая напасть, беда, в доме моём завсегда приют сыщешь.

– И я тебе то же обещаю.

Брат и сестра обнялись. Ещё долго стояли они под вишнями. Слабое осеннее солнце освещало их молодые, красивые, исполненные грусти лица.

Явилась в сад Мстислава в чёрной одежде, в низко надвинутом на чело убрусе. За нею следом павой выступала вся разодетая в дорогой ромейский бархат статная молодая Любава, дочь воеводы Волчьего Хвоста.

– Чего енто вы тута, братец с сестричкою, уединились? – с издёвкой в голосе хрипло спросила Мстислава. – Яко жених и невеста.

– Позвизду заутре в путь. В Луцк его батюшка посылает, – холодно и просто ответила Предслава.

Она с жалостью посмотрела на всё изрытое оспинами, усеянное бородавками лицо сестры и тихо вздохнула.

«Господи, помоги ей! – обратилась мыслию к Богу Предслава. – Дай ей жениха доброго! А то тако ить и просидит в девицах. Ей бы матерью, женою справною быти, а она токмо за спинами чужими шушукается. И в подружки выбрала такую же насмешницу и злословицу. Помогите, Господи! Несчастлива еси!»

– А мы-то идём да думаем: с кем ето тамо наша красавица под деревьями! – смеясь, промолвила Хвостовна, пристально рассматривающая серебряную гривну на шее у Позвизда.

– В худом покуда не замечена! – резко ответила ей Предслава. – Повода для насмешек твоих, дщерь боярска, не вижу.

Хвостовна обиженно повела курносый нос и смолчала. Мстислава, зло скривив губы, хрипло, с издёвкой проговорила:

– Тебе уж, верно, Предславушка, жениха доброго отец подыскивает. Бают, послов рассылает по разным странам. Принца те ищут, не иначе.

Хвостовна зло фыркнула при слове «принц».

– О том не ведаю! – вздёрнув голову, так же холодно ответила сестре Предслава.

– Гордячка! – проворчала Мстислава. Усмехнувшись, она пошла прочь, увлекая за собой Хвостовну.

– От таких вот подале держись, сестра, – сказал, глядя на удаляющихся девушек, Позвизд. – Одно токмо зло от них исходит. Не имеют Бога в сердце.

– Зря ты так, братец! – с жаром возразила ему Предслава. – Мстислава – она добрая. Она очень добрая. Просто... некрасивая она... Вот и завидует чужой красоте. А Хвостовна... Да глупа еси!

– Это ты добрая, сестрица, – улыбнулся Позвизд. – Коварства людского, насмешек не приемлешь и не примечаешь. Но, может, и верно ты сказала. Давай же прощаться будем. Пойдём за ограду, на Подол, а там ко Днепру. Да, а Майя где, не ведаешь ли?

– Да, говорят, в Берестове ныне. Отец её там служит конюхом. А ещё, баяла она, жениха ей сыскали. Мельник какой-то, из Заруба.

– Вот так всех нас жизнь разбросала. Свидимся ли, невесть. – Позвизд задумчиво потупил взор.

– Ты верь, братец. Непременно свидимся. Ты на Господа полагайся. Его защита в любом деле – самая надёжная.

Брат и сестра спустились с горы к днепровскому берегу. Было пасмурно, могучий Днепр клочкотал и ярился под порывами ветра. Жухлые невесомые листья кружились во влажном осеннем воздухе. Накрапывал мелкий дождик.

Они долго стояли, прижимались друг к другу, смотрели в заречную даль. Чувствовали оба подспудно: непросто будет им в жизни. И чуяли также сердцем подступающее лихолетье. Почему-то Предславе вдруг вспомнились страшные, тёмные как ночь глаза Володаря.

Рано утром Позвизд отправился в Луцк. Провожали его в путь отец, ближние бояре и три сестры – Предслава, Мстислава и совсем крохотная Анастасия. Мачеха, княгиня Анна, тяжело болела и в последние дни не вставала с постели.

«А ведь отец совсем стар, – с внезапной тревогой подумал Позвизд, когда родитель прижимал его к себе и княжич обратил внимание на его седину и густую сеть морщин на лице. – Странно, доселе как будто и не замечал этого!»

Князь Владимир прослезился, затем хлопнул сына по плечу, проговорил строго:

– Честь нашу родовую береги, не посрами седых волос моих.

С тем напутствием Позвизд и тронулся в путь. Следом за ним выехал отряд дружинников во главе с опытным боярином Синьком Боричем. Княжич смотрел вперёд, на дорогу, а видел перед глазами розовые стены Десятинной церкви и отцовы морщины. Непрошенная слеза катилась по щеке тоненькой струйкой.

Глава 14

В начале зимы, когда ледяной панцирь заключил в свои объятия могучий Днепр Словутич, а Киевские горы и низины запорошило снегом, Предслава через одну из холопок узнала о том, что Майя Златогорка вернулась в Киев. И вскоре, в одно из ясных морозных утр, какие нередко случаются в Киеве в такое время, давно не видевшая подругу княжна отправилась её навестить.

Лучи солнца и ослепительно-белый снег выбивали из глаз слёзы. Мороз щипал щёки и нос. Предслава прятала руки в рукава долгой шубы куньего меха, дышала осторожно, боясь застудиться. На голову поверх плата, расцвеченного огненными с синим петухами, она надела меховую шапочку с розовым верхом – подарок мачехи. Шла медленно, припоминая, где же находится конюхова изба. Под жёлтыми сафьяновыми сапожками хрустел свежевывапавший рыхлый снег. Вместе с княжной увязалась Хвостовна, вся разодетая в меха, стойко заморская царица. По дороге она беспрерывно болтала всякие глупости, рассказывала Предславе последние сплетни, громко залиристо хохотала. Княжна почти не слушала шумную боярышню.

«Странно, столько лет дружбу со Златогоркой водила, а ни единого раза у неё в доме не бывала, – подумала она вдруг. – Знаю токмо, возле Гончарской слободы живёт она».

У врат Десятинной церкви Предслава приостановилась и дала пенязь [119] нищему в лохмотьях на паперти.

– Господь тебя охранит, дева добрая, – прошамкал беззубым ртом убогий старичок.

Хвостовна брезгливо поморщилась, фыркнула и прошла мимо, ничего не подав нищему.

– Как ты можешь с такими вот якшаться! – Она возмущённо передёрнула плечами.

Предслава неодобрительно посмотрела на песцовую шубу боярышни и её затканый золотыми нитями дорогой убрус.

«Сколько ж её отец за сию сряду заплатил? Верно, немало. А нищему медную монетку отдать – жалко! И спеси, спеси сколько в ней!» – Предслава вздохнула.

Пройдя северные ворота детинца, девушки стали спускаться вниз по Боричеву увозу. Дом отца Майи находился где-то слева от дороги, на склоне оврага между Фроловской и Замковой горами. Предслава пристально всматривалась вперёд, стараясь вспомнить, где же располагаются те знакомые по детским играм ступеньки, откуда начинался путь в Гончарскую слободу. Вот, кажется, они. Княжна круто свернула с увоза.

Хвостовна у неё за спиной испуганно взвизгнула.

– Ой, скользко! – Она ухватила за край шубы княжны. – Может, воротимся, а, Предслава? Что нам в сем конце [120] делать? Воняет-то как! Среди смердов наше ли место? Да и боязно чегой-то.

– Ты ступай, – равнодушно отозвалась Предслава. – Я же подругу давнюю навестить хочу.

– Нет уж. Вместе пойдём тогда. Я ить, Предслава, тож тебе подруга ближняя. Ты со мною всем, что на душе, делиться можешь. Чай, боярская я дщерь, не худородная какая, – ворковала сзади неё, сходя вниз по скользким ступеням, Хвостовна.

«Ну да, с тобой токмо поделись. Тотчас весь Киев знать будет». – Предслава невольно рассмеялась.

Свернув в один из многочисленных проулков, девушки остановились возле приземистой, глубоко вросшей в землю хаты.

Предслава, сойдя по двум дощатым, тщательно очищенным от снега и льда ступенькам, оказалась перед грубо сколоченной дверью и настойчиво постучала. На стук никто не отзывался. Тогда княжна осторожно приоткрыла дверь. В нос ударил резкий запах гари. Княжна чихнула и рукавичкой отогнала дым.

– Эй, хозяева! – крикнула Хвостовна. – Гостей встречайте!

– Чего кричишь? – недовольно одёрнула её княжна. – Видишь, пусто здесь. Входи давай покуда. Подождём. Может, придут.

Девушки вошли в небольшое, топящееся по-чёрному жилище. Дым из глиняной печи обогревал всё угловое помещение и через небольшое отверстие наверху выходил наружу. Крохотное оконце было забрано бычьим пузырём. За печью виднелись нары, а возле оконца стоял маленький стол и две скамьи.

– Эко же здесь дымно, – скривила ярко накрашенные губки Хвостовна. – И чего мы сюда заявились?

– Ты – не ведаю, а я – Майю повидать.

– Ну дак и я с тобою. Как ты брошу?

– Что ж, садись. Подождём. – Предслава усмехнулась.

Она расстегнула шубу, но снять не решилась – некуда было её положить – и так и села за стол, уставившись в подслеповатое оконце. Хвостовна вовсе не стала раздеваться и устало плюхнулась на краешек скамьи.

Ожидание затягивалось. Предслава встала, подошла к печи, потрогала чугунный ухват, обратила внимание на горшки со снedyю.

«Вот как они живут, чем питаются! Жила там, во дворце, и не думала, что так здесь всё убого и просто», – подумалось ей.

Хвостовна, устав ждать, забарабанила ладонями по столу.

– Ну и где ж она, краса наша? – насмешливо спросила она. – Может, пойдём отсель? У меня от дыма сего аж в носу засвербило.

Слова боярской дочери прервал донёсшийся с улицы стук. Предслава распахнула дверь. Майя, в одной лёгкой сорочке с ожерельем по вороту и в разноцветной понёве[121] с прошвой на боку, несла на коромысле вёдра. Волосы на голове у девушки были перетянуты медным обручем, на котором висело несколько тоненьких медных же колечек.

– Майя! – воскликнула обрадованная Предслава.

Впопыхах поставив на снег вёдра, Златогорка бросилась ей навстречу. Подруги обнялись.

– Что ж ты так. В сорочке одной. Простудишься. – Предслава старалась согреть Майю и крепче прижимала её к себе.

Они вошли в избу. Златогорка сухо поздоровалась с Хвостовной.

Предслава сразу ощутила некое неудобство. При Хвостовне особо расспрашивать Майю и тем более говорить о чём-либо сокровенном не хотелось. Боярская дочь не замедлит раззвонить о том на весь стольный.

– Вот пришли проведать тебя, – начала княжна. – Давно не видались.

– Да я в Берестове была, отец тамо и по сей день. Службу правит.

– А ты почто воротилась? – спросила Хвостовна.

– Да так. О доме заботиться надоть.

В избе воцарилось молчание. Предслава решила перевести разговор на другое.

– Позвизд осенью в Луцк уехал. Батюшка удел ему дал.

– Ну и как он? Пишет? – Златогорка заметно оживилась.

– Прислал три бересты. Всё подробно начертал. Бает, леса окрест города, а сам Луцк на высоком месте стоит да болотами окружён. Речек там несколько. Самая большая – Стырь, а другие – Гижица, Глушец. И град сам меж речными протоками стоит, на острове как бы. А на другом таком острове, поболее, – окольный город, Нижним его прозывают. От него шлях тянется на заход, в земли ляхов и в Дрогичин.

– Уж верно, и невесту Позвизд себе тамо сыскал. Говорят, девки волынские красны. – Златогорка мягко улыбнулась.

Предслава нахмурилась, сдвинула соболиные брови.

– Позвизд – сын княжой! – холодно изрекла она. – И жена ему подобает из княжого рода.

Златогорка потупилась, примолкла.

Молчание прервала Хвостовна.

– Пойду я. Вы уж тут потолкуйте промеж собою, а мне домой пора. Батюшка сказывал, пир нынче у нас в тереме. Многие бояре придут.

Низко нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку (а Хвостовна была девица рослая и не худая), боярышня выскользнула за дверь. Вскоре исчез и аромат исходящих от неё терпких восточных благовоний.

– Ну вот, подружка. Никто нам топерича не помешает. – Предслава через оконце посмотрела, как Хвостовна, грузно переваливаясь, подбирая длинные полы своей песцовой шубы, взбирается по ступеням вверх к увозу.

По устам Майи вновь скользнула грустная улыбка.

– Ты прости меня, Предслава. Сболтнула тут сдуру. Конечно, я вам не ровня.

– Полно. Как мы подружками были, так – на всю жизнь. Уразумей, – строго ответила ей княжна. – Шла, хотела тебя расспросить. Любава ента увязалась. Слыхала, жениха тебе сыскали.

Златогорка тяжело вздохнула.

– Сыскали, как же. Привёл батюшка мужика одного, хлипкого такого, щуплого, с голосом бабьим, да и годами велик, седина в бороде козлиной. Мельник он в Зарубе. Вот, говорит, дочка, жених тебе сыскался. Сам вдов, чад нету. А пенязи у его в калите водятся, и немалые. Мука – она всем надобна. Ну, у меня сердце замерло, в слёзы я, пред отцом на колени. Не губи, говорю, батюшка, красу мою девичью. Не люб он мне. А отец: «То ничего, дочка. Стерпится-слюбится. Зато достаток завсегда в доме будет». Сама знаешь, Предславушка, небогаты мы. Ну, поплакала я, подумала, порешила: нет, не пойду за его. Вот покуда сюда, в Киев, воротилась. Думала, наймусь куда в работу. А топерь-от мыслю: уехать мне надоть. Втайне. Куда-нибудь на пограничье дальнее. На Сулу аль на Орель[122]. Я ить к оружию с малых лет привычна. Косу состригу да за парня сойду. Поступлю в дружину сторожевую. Буду Русь от ворогов беречь.

– О Господи! Что глаголешь такое, Майюшка! – воскликнула поражённая Предслава. – Да куда ж тебе?! Хочешь, я с отцом своим, князем Владимиром, побаяю? Устроит он тебя куда ни то! Нынче же речь поведу!

Златогорка решительно замотала головой.

– Нет, княжна. Спасибо тебе, рада, дорожу дружбой твоею, но... извини. Иная у меня судьба, иной путь. Иное на роду написано. А кольчугу, шелом да меч булатный сыщу я, уговорилась уж с кузнецом одним. Содеет. Токмо вот коня... коня мне покуда не купить. Что ж, в бою добуду! – уверенно заявила Майя.

Никакие увещания Предславы не помогли. Златогорка твёрдо стояла на своём. В полдень подруги расстались. Предслава воротилась во дворец, втайне надеясь, что ещё сможет поговорить с Майей и убедит её изменить решение.

Но когда явилась она спустя несколько дней в избу подруги вместе с младшей сестрой, маленькой Анастасией, то застала здесь уже новых хозяев. Радужная пожилая жена ремесленника-гончара, купившего у Златогорки дом, угостила княжон топлёным молоком и пообещала, что если будут о прежней хозяйке дома какие вести, то она их непременно сообщит. Предслава, в свою очередь, сказала, что будет навещать к ней. На том и распрощались.

Ведя за руку маленькую Анастасию, весело перебирающую ножками по ступенькам, Предслава с грустью и тревогой думала о Майе. Какая же судьба ждёт теперь эту нравную и сильную девушку? Найдёт ли она там, на степном русском пограничье, своё счастье?

Солнечный луч ярко ударил в глаза. Предслава смахнула с ресниц слезу и, грустно улыбаясь, потрепала сафьяновой рукавичкой по щеке маленькую сестрёнку.

Глава 15

Над Киевом сгустились сумерки. Холодный ветер бушевал за плотно закрытыми ставнями, жарко топились муравленные изразцовые печи. В хоромх боярина Фёдора Ивещея царила обычная тягостная тишина. Боярин медленно тянул из оловянной кружки ол, бросал взгляд на чадающий глиняный светильник на столе, кусал в раздумье усы. Что-то было не так, а что, и сам не знал. На младшего брата, Хотена, днесь накричал, отругал его за шашни в подворотне с очередной холопкой. Ещё бранил за то, что лазил ночами, обдирая порты, в терем к дочери воеводы Путяты Сфандре. О сей любострастнице по стольному ходила недобрая слава, и вовсе не хотелось Ивещею впутывать себя и дурака брата в её сомнительные дела.

После, разгневавшись внезапно, отстегал кнутом нерадивого холопа, да так, что у того глаз вытек. Отчитал холопку за грязь в сенях, повара побранил за прокисшие щи. В прежние времена покойная жена его бы успокоила, приголубила, примирила бы со всеми, а без неё... вовсе ожесточился, лишился в жизни всякой радости боярин Фёдор.

Вечер был как вечер, тоскливый, долгий, ничего не хотелось делать. Очередная кружка ола почти опустела, когда втиснулся в палату, осторожно озираясь по сторонам, старый челядинец, тот самый, что когда-то подпоил Александровых сторожей.

– Боярин, – заговорил он вкрадчиво, – на двор к тебе купец один явился, от ляхов. Попросился на ночлег.

– Что?! Какой такой ночлег?! У меня здесь что – гостинный двор?! – злобно рявкнул боярин.

– Да странный такой купец. И ещё... перетолковать с тобою он желает.

– От ляхов, говоришь? – Ивещей насупился. – Вот как. Что ж, приведи его ко мне. Не сюда токмо, а в ту палату... наверху.

Облачённый в серый ватол с капюшоном, закрывающим лицо, неизвестный гость проследовал вверх по лестнице. По всему видать, он боялся быть узнанным и шёл крадучись, стараясь не шуметь.

В палате он хрипло промолвил:

– Могу ли без опасу тебе открыться, боярин Фёдор?

Голос показался Ивещею знакомым.

– Можешь, купец. – Он коротко кивнул.

Незнакомец отбросил за спину капюшон, резким торопливым движением сдёрнул с плеч ватол.

– Володарь! – ахнул от изумления Ивещей.

– Как видишь, цел и невредим. Токмо шрамов поболее стало да ухо правое в сече оттяпали. – Володарь недобро рассмеялся и показал Фёдору сизый обрубок на месте уха. – Да и седой влас в бороде да в усах завёлся. Сорок лет без малого – оно тебе не молодые годы. Ну а ты? Всё ждёшь часа своего взаперти, за теремными замками? Так ничего не дождёшься.

Боярин неожиданно вспылil.

– Что заладил тут: ждёшь, не дождёшься! Без тебя тошно! Сижу тут, князь близко не подпускает! Али предложить что имеешь?! Дак сказывай, не томи!

– Ишь ты, быстрый какой! – Володарь снова рассмеялся. – Есть, есть чем тебя утешить. Впрочем, не утешать тебя я сюда явился.

– Знамо, – зло буркнул Ивещей.

В чёрных глазах Володаря словно бы что-то забурило.

– Сперва вот что. О себе надобно молвить. А то ведь, верно, думаешь, всё я у печенегов отираюсь. Давно уж от них отъехал. Им, степнякам, что? Хаты пожечь, скотину забрать, рухлядью суму набить да полону поболее увести в Крым, чтоб потом продать на рынке в Суроже[123]

али в Херсонесе. Далее Сулы да Трубежа редко они суются. Князь Владимир отгородился от них валами да крепостями. Вот так сидел я единожды у костра кизячного в степи, думал думу горькую. Доколе скитаться мне с ними по степи, сколько можно кумыс пить да навоз нюхать. В общем, сбежал я от печенегов. Подался на Вислу, к Болеславу Польскому. Предложил ему меч свой и голову. Ну, Болеслав принял меня добре, сотню дал под начало. Ходили мы на чехов, на Прагу, Моравию у них отобрали, у угров Словакию отняли, после немцев отлупили под Будишином. Так вот, боярин.

– И каков же он, Болеслав? Что, лучше Владимира будет? Приблизил тебя к себе, областал, волостями наделил?

– Впереди всё, боярин Фёдор. А покуда, смотрю, государь Болеслав умный. Раздвинул пределы Польши своей от моря Варяжского до Горбов, от чехов до Волыни. Всю землю поделил на поветы, округа то бишь, замки каменные везде понаставил. В крепости каждой утвердил старосту – кастеляна. Меня вот в Люблин поставил. Войско у него сильное, много добрых шляхтичей. И... мысли я его ведаю.

– Что за мысли? – Ивещей напряжённо наклонился над столом и со вниманием вслушивался в каждое слово Володаря.

– Хочет Болеслав весь славянский мир объединить. Чтоб и Русь, и Польша, и Чехия единой державой были. Великая Славония – так он говорит. Благая то мысль, да токмо... За папу римского Болеслав держится, за латинских прелатов. Ещё отец его, Мешко, Польшу в латинскую веру окрестил. Это первое. А второе... среди славян предателей завсегда хватало. Чехи, зличане[124], а за ними и лютичи[125] вместе с Генрихом, королём германским, супротив Болеслава воюют. И идёт так год за годом: то они нас бьют, то мы их. Вот и ищет Болеслав добрых союзников.

– Ну, так, – согласно затряс головой Фёдор. – А я-то тут при чём?

– Слушай далее, не торопись. В прошлое лето отдала Богу душу супруга Болеславова, Эмнильда. Вот и замыслил Болеслав с князем Владимиром породниться. Послал меня в Киев. Дочь Владимирову, Предславу, за себя сватать. Оно так всё, конечно. Да боязно мне. Вдруг как схватят во Владимировом терему, вспомнят, как стоял тут с печенегами да Подол жёг. – Володарь вздохнул и потупил взор. – Потому я купцом и оделся. А кроме, как у тебя, не у кого мне совета испросить.

Боярин Фёдор долго молчал, почёсывая пятернёй затылок. Наконец вымолвил:

– Думаю, князь Владимир тебя не тронет. Дружбой с Болеславом он дорожит.

– Дак ты разузнай, боярин, проведай, исподволь так, можно ль мне во дворец княжеский явиться. А я покуда здесь у тебя упрячусь.

– Да как же я проведу? – Ивещей развёл руками.

– А ты приди и скажи: меня, мол, видел на дороге. У Болеслава я теперь и послан. Про сватовство ничего не сказывай, а так... грамоты, мол, польские везёт. Я, мол, эту собаку Володаря как узрел, так едва не зарубил в ярости. Но он грамоту показал, стыдно мне стало посла трогать. Не мочно тако. И послушай, что князь Владимир тебе ответит.

– Ну, а зачем *мне* се? Я-то какую корысть в твоём деле имею?

– Корысть? – переспросил, щуря свои чёрные как уголья глаза, Володарь. – А корысть такая, что стар Владимир, и едва он помрёт, как постарается Болеслав одного из сынов его в Киеве посадить. И мы с тобою при нём первыми боярами будем.

– Какого из сынов? Что лепишь такое?

– Святополка, сына Ярополкова от гречанки.

– Да ты что городишь?! – Ивещей в ужасе вскочил на ноги. – Да сей Святополк мне же первому голову с плеч сымет! Вспомнит, как мой отец его отца предал!

– Не вспомнит. Дело прошлое. Сын за отца не в ответе, боярин. Напротив, благодарить будет, ежели ты за него дочку Болеславова, Регелинду, высватаешь. О том толковня[126] с

Болеславом у меня была. Как сладится с Предславою дело, мой тебе совет: скачи в Туров и сам со Святополком перемолвись словечком. А оттуда прямо в Гнезно[127] и езжай, за невестою.

– Погоди, погоди, Володарь. Помыслить я должен, взвесить всё. Не так же оно просто...

– Что ж сиди, мысли. Токмо гляди, как бы тебе тут не засидеться. – Володарь зло сплюнул. – Да дело, дело я предлагаю! – едва не выкрикнул он. – Сколько мочно, боярин, за чужими спинами хорониться?! А князю Владимиру, аще что, помереть вовремя помогут. Есть люди...

Он не договорил, подумав, что сказал уже лишнее.

Фёдор Ивещей вздрогнул, маленькие глазки его испуганно забежали.

– Ну что ж, Володарь. Будь по-твоему, – после некоторого раздумья решительно выговорил он и для вящей убедительности стукнул ладонью по столу.

Глава 16

Володарь стоял перед княжеским столыцем, чувствуя на себе колющие злые взгляды бояр, рассевшихся полукругом на скамьях в горнице.

«Эх, еже б не грамотка Болеславова – не жить бы те, ворог!» – всё стояли в ушах изменника сказанные в сенях слова воеводы Александра.

Страху Володарь не испытывал, не боялся он ничего и никого. Но было как-то не по себе торчать здесь, посреди ярко освещённой хоросами[128] палаты, и ощущать вокруг себя всеобщую, едва скрываемую ненависть.

– Князь! Король Болеслав шлёт тебе дары, ищет мира. Он говорит, что все славяне должны жить промеж собой в дружбе и согласии. Хватит бессмысленных усобиц, хватит драк-кровопролитий. Да воцарится на землях наших крепкий мир! – бросал Володарь в лицо князю пышные торжественные фразы.

Владимир, в розовой хламиде византийской работы и в зубчатом золотом венце на голове, сидел на столыце с непроницаемым лицом. Седина струилась, переливалась густой сетью в волосах, почти полностью покрывала долгую бороду. Украшенные перстнями пальцы киевского властителя оглаживали вырезанные в виде волчьих голов подлокотники столыца.

Володарь решил, что пора приступить к главному.

– Король Болеслав просит руки твоей дочери Предславы. Красота юной княжны да будет отныне залогом мира и процветания! – выпалил он, чувствуя, что надетая под кафтан нижняя рубаха взмокла на спине от пота.

В палате воцарилось молчание. Владимир перестал оглаживать руками подлокотники. Бояре затихли, ожидая решения.

– Вот что, погань! – словно бы откуда-то сверху раздался, раскатился по палате вешним громом, прорезав глубокую тишину, грозный голос Владимира. – Во-первых, пусть Болеслав вдругорядь кого подобает в послы шлёт, а не изветчика такого, как ты. Вот тогда и толковать станем. Второе. С чего енто князь Болеслав королём нарёкся? Император Оттон, что по младости и неразумию его короновал, давно в могиле, а нынче... Ни император Генрих, ни папа римский королём Болеслава не почитают... А что до дочери моей... Вот мы сейчас сами у неё и спросим. Эй, отроки! Покличьте сюда княжну Предславу!

Володарь оцепенело молчал, едва сдерживая злость. Кто-то из бояр, кажется, Хотен Блудович, попытался робко возразить:

– Девичье ль то дело – решать? С девицы чего возьмёшь? Влас длинен, ум короток.

Но на него зашикали, грубо перебили, заставили замолчать.

В палате снова наступила тишина. Володарь заскрипел от злости зубами, стал оглядываться по сторонам, но везде встречали его исполненные презрения и ненависти лица Владимировых советников.

«Попаду ежели к ним в лапы, живым не уйти, – пронеслась в голове тревожная мысль. – Поскорей бы отсюда убраться! Но где же, где эта княжна распроклятая?!»

...Предслава очень редко бывала в отцовской думной палате и потому оробела, когда яркий свет хоросов резко ударил ей в лицо. Она прошла, чуть шуря глаза, к столыцу, в пояс поклонилась отцу. Князь Владимир велел ей сесть в обитое бархатом кресло рядом с собой. И тут... глаза Предславы сошлись с чёрными очами Володаря!

– Ворог! – не выдержав, прошептала княжна и с ужасом и изумлением воззрилась на отца.

– Да, ворог он, – так же вполголоса, неслышно для других, проговорил Владимир, наклонившись к дочери. – Но приехал послом от польского князя Болеслава. – И добавил уже громче, так, что слышали все: – Князь Болеслав предлагает тебе выйти за него замуж. Государь он славный, богатый, много злата в вено за тебя даёт. И выгоден мне вельми мир и союз с им.

Но всё от слова твоего зависит, дочка. Коли не пожелаешь, силою под венец не поведу. Сама решай. Не ребёнок ить. Осьмнадцатый год.

И снова напряжённая тишина, снова молчание, а затем раздался тонкий высокий голос юной княжны:

– Без любви, отче, не пойду я замуж николи. А Болеслав мне не люб. Толст он и стар – так говорят. Да к тому ж трижды уже женат был, дети взрослые у его. Ещё ведаю, что первых двух жён своих прогнал он, расторг брак! Что ж, четвёртой женой мне у его быть – нет, отче! И посла он прислал неподобного – врага нашего, который Киев едва не пожёт! Помню я, волче, как вели тебя в поруб, как сверкал ты очами злобными на меня малую! – неожиданно даже для самой себя выпалила она в лицо Володарю. – На всю жизнь запомнила я тя!

Володарь отшатнулся, словно пощёчину получил.

– Не подобает мне оскорбления здесь выслушивать, – хмуро заметил он, обращаясь ко Владимиру.

– А ты думаешь, хлебом-солью ты тут попотчуют! – раздался со скамей насмешливый голос кого-то из отроков. – Молодец, княжна! Тако его!

– И верно. Ступай, покудова цел! – пробасил воевода Александр. – И боле в Киеве ноги чтоб твоей не было!

– Ну вот, Володарь. – Князь развёл руками. – Всё ты слышал. Знаешь, что князю своему передать. Мой же с тобою разговор окончен. Ступай отсель. И совет тебе добрый: уезжай из Киева поскорее. А то у молодцев моих головы горячие! Вдруг эдак невзначай сабелькой тебя полоснут.

Сопровождаемый злыми насмешками и улюлюканьем, едва сдерживая приступы ярости, Володарь чуть ли не бегом выскочил в дверь горницы.

– Ты поплатишься за это, Владимир! Горько поплатишься! – шептал он едва слышно дрожащими губами, идя по переходу в сени. – И ты, княжна Предслава, девчонка нравная, своё получишь! Клянусь Перуном! Или Иисусом! Кем угодно!

С силой распахнув дубовую дверь, неудачливый посол вышел на крыльцо и сбежал во двор с крутых ступеней.

Впереди – он знал – были войны и была кровь.

Глава 17

Любила ли Предслава кого до сей поры? Или, часами просиживая за вышиванием и беседами с подружками, так и не ощутила в душе того сердечного трепета, какой испытываешь, когда погружаешься в тёплые волны светлого солнечного чувства, имя которому – первая любовь?

Поначалу ей, ещё девочке, нравился воевода Александр Попович – такой высокий, храбрый, добрый удалец. Да и невелик был ещё воевода годами, и красен лицом. Часами могла Предслава слушать рассказы о нём, о том, как в степи в одиночку одолевал он лютых хазар и печенегов, как осаждал мятежных вятичей, как в родном Ростове сокрушил деревянного идола. Не раз, будучи на княжеских пирах, Предслава любовалась широкоплечим богатырём, а слыша рассказы о нём, она словно наяву ощущала горький запах полыни, степной ветер и бешеную скачку.

Но однажды во время очередного буйного пира углядела юная княжна, как герой-воевода в закоулке княжьего двора стаскивает понёву с одной из холопок – рыжей и некрасивой Светляны, как валит он её на траву и как обвивают его могучую шею руки бесстыжей девки.

Ощутив в душе внезапное презрение, она слышала, упрятавшись за углом, как Светляна постанывает от удовольствия. Хотелось расплакаться, повернуться и убежать прочь от этого постылого тёмного места. Но любопытство пересилило. Выглянув из-за угла, княжна узрела, как воевода раздвигает девке ноги и как что-то большое и длинное входит в тело Светляны. Стало больно, противно, гадко, об Александре Предслава с той поры думала не иначе как с обидой и презрением. Герой оказался простым мужиком, этаким незамысловатым и грубоватым. Нет, не о таком человеке мечтала юная красавица.

...Князь Владимир со многими окрестными государями поддерживал хорошие отношения. Когда узнал он, что угорский[129] король Иштван принял крещение от римского папы, то отправил в Венгрию послов и священников, пытаясь склонить угров к переходу в православие. В деле своём послы не преуспели, но несколько знатных мадьярских семей крестились-таки по греческому обряду. И вскоре некоторые из мадьяр[130] появились в Киеве, просясь к Владимиру на службу. Среди них было трое молодых братьев – Георгий, Ефрем и Моисей. Все, как на подбор, красавцы, такие, что не одной киевской девице вскружили голову. Особенно хороши братья были на ристалище[131], а коней умели объезжать лучше любого русича.

Игрища и разнообразные воинские состязания стареющий князь любил и зачастую устраивал на Перепетовом поле за городом конные ристания. Там-то вот впервые Предслава и встретилась с братьями-уграми.

Много добрых удалых молодцев водилось в княжеской дружине, были среди них и такие, которые ярого быка голыми руками могли свалить, но вот с конями управляться – тут со старшим из братьев, Георгием, мало кто мог сравниться.

Стоял солнечный вешний день, над полем высоко в небе кружили жаворонки, стая ворон тянула к лесу, обрамляющему поле с южной, полуденной стороны. По краям широкой равнины и на холмах ратные расставили многочисленные шатры и палатки-вежи. Было шумно, весело, свежий прохладный воздух весны обдувал молодые и старые лица, кружил буйные головы.

Предславе здесь, на вольном просторе, после киевских княжеских палат, после бабинца с его наушницами и сплетницами, дышалось легко и свободно. Хотелось петь, прыгать от счастья, водить хороводы вокруг взметающихся в небо костров. А ещё – сердце ждало любви, той самой, которая заставляет забыть всё недоброе, той, которая вмиг загораживает от тебя горести, беды, трудности, которая пламенем врывается в душу.

Посреди поля по велению князя Владимира учинили ристания. Всадники на лихих конях, в кольчугах и шеломах ударяли один другого тупыми наконечниками копий, рубились на саблях, старались выбить соперника из седла. Пыль стояла столбом.

– Полно! – остановил игрище Владимир. – Надобно нам, братия и други, по обычаю заморскому, уж коль начали тут... царицу выбрать, жёнку, в честь коей и будете вы копьё ломать да вышибать друг дружку из сёдел. Благо красных дев собралось здесь излиха много.

Он обвёл рукой собравшуюся вокруг толпу. В самом деле, на поле было великое множество женщин, иные пришли сюда с мужьями и детьми. Всюду мелькали разноцветные платья, понёвы, убрusy, повои, были и простоволосые девушки из пригородных слобод.

– У нас не так водится, – промолвил посланник германского императора, старый хитрый граф Титмар. – По рыцарским правилам, победитель выбирает королеву турнира и она воздевает ему на чело венец.

– Что ж, тако тогда и содеем, – согласился Владимир. – Запрягать долго не будем. Почнём. Он махнул десницей, дав знак к началу ристаний.

Рядом с Предславой на скамейке устроилась Хвостовна, она всё шептала княжне на ухо:

– Вон Александр, в дощатой броне чёрной... А вон то – Ратибор из Василёва. Красавец и в меня влюблён... А тот, в медном нагруднике, – из немцев, у батюшки моего в кметях[132] ходит.

Все уши прожужжала Предславе Хвостовна, как всегда, покрашенная, набелённая, напoмаженная, разодетая в парчу и в аксамит[133] – что царица ромейская. Притиснулась ко княжне грузным своим телом, сыпала слова, как горох, не умолкала. Предслава хмурилась, не по нраву были ей разговоры, мешали они ей глядеть на сражающихся.

– Ого, и ентот старый пень туда ж! – указала Хвостовна на Фёдора Ивещея, который, облачившись в кольчатую бронь и воздев на голову мисюрку с бармицею, твёрдо держался в седле и никому не уступал в бою.

Предслава невольно хихикнула – таким важным, напыщенным выглядел Ивещей на поле. Но зря смеялись девицы – воином боярин Фёдор был опытным и сильным. Испуганно вскрикнула Хвостовна, когда сбросил он с седла её любимца Ратибора. Поняла боярская дочь, что не быть ей королевой турнира, и тихо расплакалась.

Пригорюнился и князь Владимир, глядя, как любимец его Александр, изломав червлёный щит, завалился на бок. Казалось, идёт всё к победе боярина Ивещея. Досадно было и Предславе, окидывала она взором комонных дружинников, думала: ужель не сыщется доброго молодца, чтоб сего Ивещея наземь свалить?

Ратник в булатной личине[134], верхом на огненно-рыжем коне бился где-то на дальнем краю поля и тоже немало соперников повалил на зелёную траву. И оказалось вскоре, что остались в сёдлах только он да Ивещей.

– Кто это, в личине? Добре бьётся, – спросила Предслава Хвостовну.

– Угр один. Недавно в Киеве, – холодно, равнодушным голосом ответила боярышня.

Зазвенели трубы, забили дробь барабаны. Съехались двое ратников на решающий поединок. Затаили дыхание зрители, неотрывно, во все глаза глядели они, как ударили противники враз друг дружку копьёми по щитам, как удержались оба в сёдлах. Снова сошлись, снова ударили – снова остались сидеть. Утомились оба от череды трудных поединков, разошлись каждый в свою сторону. Угр отбросил в сторону личину. Молодое лицо с неотмирными какими-то глазами возникло внезапно перед Предславой, и зашло, забило вдруг невесть от чего сердце девушки. Оцепенело смотрела она, как вытирает угр потное чело, как садится вновь на коня, берёт в десницу копьё.

– Георгием его кличут, – прошептала на ухо княжне Хвостовна.

В четвёртый раз сошлись в схватке ратники. Первым ударил Ивещей. Бил вроде бы наверняка, что было силы, но угр ускользнул, ловко извернулся, наклонился набок, одними ногами

держась за круп коня, а затем вдруг резко поднял туловище, выпрямился, да и вышиб немного ошарашенного боярина из седла. Грузно, как мешок, рухнул Ивещей в пыль. Кусая от досады уста, чуя, как шумит одобрительно толпа, радуясь успеху его соперника, поспешил он покинуть поле, шатаясь от усталости и боли в спине.

«Мальчишка проклятый! Украл победу у меня! – стучала в голове боярина злая мысль. – Ничего, ещё поквитаемся!»

Предслава, как увидела, что Ивещей упал, не выдержала и громко захлопала в ладоши.

– Молодец! – услышала она громкий голос отца.

Георгий спустился с коня наземь, младший брат-подросток Моисей взял под уздцы огненно-рыжего ливийца[135], а победитель, сняв шолом, поклонился в пояс князю и всем собравшимся вокруг людям. Бывалые ратники похлопывали его по плечу, хвалили, Георгий в ответ вымученно улыбался.

– Надлежит тебе, добр молодец, выбрать жёнку иль девицу, коя тебе на голову венец водрузит, яко самому сильному и ловкому, – заключил Владимир.

Угр не раздумывал, казалось, ни единого мгновения. Твёрдым и быстрым шагом приблизился он к ахнувшей от неожиданности Предславе и преклонил перед ней колена.

– Краше тебя, светлая княжна, нет здесь ни единой девицы али жены. Будь царицей ристания! – промолвил Георгий.

Дрожащими от нахлынувшей в душу радости руками Предслава водрузила золочённый венец из листьев на голову победителя. Когда коснулись её длани чёрных выющихся волос Георгия, овладело княжной неведомое ей ранее чувство, едва не лишилась она сознания, но удержалась. Стояла, сдерживала слёзы, слыша, как за спиной горестно вздохнула Хвостовна (не её выбрали в царицы), а одна пожилая боярыня изрекла тихо:

– Экие они оба красавцы! Вот пара бы была!

...Потом был сухой весенний вечер. У окоёма[136] в темнеющем небе одна за другой вспыхивали зарницы. Внезапно в распахнутое окно девичьей светлицы, напугав княжну, влез младший брат Георгия, Моисей. Этот был взят князем в отроки и на пирах разливал из ендов[137] вино.

– Княжна. К тебе я... Брат мой, Георгий, просит, чтобы ты, как смеркается, во двор сошла б. В саду, под липами, ждать тебя будет.

Заколотилось отчаянно девичье сердце, уронила Предслава на пол Евангелие в тяжёлом окладе, полыхнули вмиг багрянцем её щёчки.

Помолчав немного, сказала, сурово сдвинув брови:

– Как же я приду? Тут вон евнух Никодим бабинец сторожит. Да и мамка Алёна не дозволит.

– Евнуха я мёдом напоил, храпит до утра без задних ног. А мамке твоей я зубы заговорю, – не смутившись, ответил Моисей.

Предслава, взглянув на его хитроватое, по-девичьи красивое лицо, не выдержала и прыснула в кулачок от смеха.

– Проказник! – Она легонько ущипнула отрока за локоть.

«Моисей – он на девку смахивает. Мой Георгий – более мужественный», – подумала княжна и вдруг сама себе удивилась. Почему она так сказала самой себе в мыслях: «Мой Георгий»?

...Они долго молчали, сидя под раскидистыми липами. Предслава вспоминала, как когда-то она на этом месте познакомилась с Позвиздом и Златогоркой. Как же это было давно! И не верится даже, что было.

– Княжна! – начал угр. – Скрывать не стану, любя ты мне, красна девица. Вельми сильно люблю тебя.

– И ты мне люб такожде, Георгий, – коротко ответила Предслава.

– Мог бы пред отцом твоим на колени пасть, умолять, просить. Но беден я, нищ. Разве что мечом своим, в походах сумею когда богатство завоевать. Тебе же... – Он осёкся. – Тебе замуж пора. И не такой, как я, тебе нужен. Князь, или герцог, или барон хотя б. А я – простой воин. Горько мне, любая моя, тягостно. Длани цепенеют, сердце холодит от мысли, что, едва повстречав, теряю тебя навек. Но иного не вижу. Ты прости, заставил тебя прийти сюда, не удержался, высказать всё хотел. Уезжаю поутру. В Ростов, ко князю Борису. И братья мои такожде. Посылает великий князь...

Он замолчал. Заговорила Предслава:

– Понимаю тебя. Тяжко мне. Но обиды никоей нет. Ты... ты возвращайся. Я тебя ждать буду.

– Не надо меня ждать, дева добрая. Коли сыщется добрый жених, иди за него. Не судьба нам с тобою.

Георгий был постарше Предславы, всё он видел, всё понимал и клял себя, что пришёл под эти липы, что признался ей в любви. Знал же, чуял, что и она его любит.

Предслава вспыхнула.

– Раз тако мыслишь, стало быть, не любишь вовсе! – воскликнула она обиженно.

Георгий ничего не ответил. Только глянул на её лицо, освещённое на миг полыхнувшей у окоёма зарницей, прижал, притянул её к себе, впился в сладкие алые трепещущие уста. Княжна тихонько отбивалась, ударяла маленькими кулачками его по груди, размазывала по лицу слёзы. Но внезапно стихла, присмирела, поняла словно, что творится у молодца на душе, склонила ему на плечо золотистую головку.

Почти до утра сидели они под липами. С рассветом Георгий ушёл в гридницу. Они расстались, и будто что-то светлое и тёплое, согревающее душу Предславы, вмиг исчезло, рухнуло и оборвалось. Она знала точно: больше они не увидятся. И ещё знала: это горько, больно, но так – лучше.

Спустя несколько дней отец снова неожиданно позвал дочь в думную палату.

Бояр на скамьях на сей раз не было, зато перед столцем находился незнакомый княжне молодец в горном плаще – чугане, какие носят в Карпатах гуцулы, в синих дублёных шароварах и в мягких постолах[138] без каблука. Шапка куньего меха, украшенная пером, была лихо заломлена набекрень.

– Вот, дочка, – указал на него Владимир, – посланник королей богемского и угорского. Сватает тебя за Яромира, брата короля богемского, а Анастасию, молодшую твою сестрицу, за угорского князя, Стефанова родича. Как, дочка, готова ли ты? Порешил, как и в прошлый раз, тебя спросить. Без согласия твоего сие дело не улажу.

Предслава, бледнея, гордо вытянулась в струнку.

– Отец, я согласна. Я выйду за Яромира, – решительно промолвила она.

Гуцул, не скрывая удовлетворения, широко улыбнулся. Кажется, он добился желанного.

Всю ночь Предслава проплакала в своей светлице. Было и страшно, и горько при воспоминании о Георгии, но и будущее манило, притягивало, звало её идти по жизни. Главное осознала юная княжна: в этот день окончилось её детство. Она готовилась сделать первый шаг в неведомое и боялась, понимая вместе с тем, что время не повернуть вспять.

Глава 18

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. За стовором дочерей Владимира наступила довольно долгая пора ожидания. Вначале мысли о будущем женихе сильно волновали Предславу, однако дни текли, и постепенно она свыклась с мыслью, что стала невестой. Тем паче в Киеве творились иные события.

Новый митрополит Иоанн, приехавший на ладье из Царьграда, крепко повздорил с князевым любимцем, епископом Десятинной церкви Анастасом, обвинив его и самого князя в арианской[139] ереси. За Иоанном стояла Ромея с её давними православными традициями, сильная и мощная держава, испорченные отношения с которой привели к тому, что в степях на южном русском порубежье опять зашевелились печенеги – давние союзники ромейского императора.

На Щековице митрополит Иоанн начал возводить новую каменную церковь в честь святых апостолов Петра и Павла. Строили зодчие-ромей по своим стародавним канонам, изнутри храм щедро украшали мусией, фресками, эмалью. Церковь Петра и Павла не походила на Десятинную – имела она всего один огромный купол и казалась Предславе мрачной, а не празднично-нарядной.

Тем временем князь Владимир, овдовевший в прошлое лето, вновь оженился. Новая хозяйка появилась в княжеском тереме – Адельгейда, дочь немецкого маркграфа Куно фон Эннингена. В роду у этой белокурой высокорослой красавицы были одни короли, императоры и даже римские папы, молодая княгиня очень гордилась своим высоким происхождением и презирала всё славянское. Ходила она по палатам, высоко вздымая надменную голову. С Предславой и Анастасией Адельгейда держалась, правда, дружески, а вот со Мстиславой не поладила, и весь бабинец словно бы разделился надвое, всюду, из каждого угла доносились коварные нащёптывания. Терем опутывался густой липкой паутиной заговоров, сплетен, наущничанья, чего покойная княгиня Анна не допускала никогда.

В предзимье, когда последние стаи перелётных птиц уже скрылись за окоёмом и первый снег мокрой крупой осыпал мёрзлую землю, в Киев добрался из далёкого Новгорода князь Ярослав. Погостил в покоях у Мстиславы, мрачным взглядом окинул новую мачеху, о чём-то долго спорил в палате с отцом. Тем же вечером пришёл к Предславе, всё ходил, прихрамывая, по светёлке, кусал усы, не знал, что сказать.

Предслава велела холопкам приготовить стол на нижнем жиле, стала, ласково улыбаясь, потчевать брата кашей сорочинского пшена и заморскими фруктами. Ярослав ел торопливо, словно боялся куда-то опоздать.

Это был уже совсем не тот пугливый отрок, которого едва научили ходить. Державный муж сидел рядом с Предславой, в тёмных больших глазах его бродили какие-то затаённые мысли, говорил он твёрдым голосом, в словах и скупых коротких жестах чувствовалась убеждённость в своей правде.

– Худо, сестрица, наш отец поступает, несправедливо. Я вот с Новгорода каждое лето по три тысячи гривен получаю. Деньги огромные, что и говорить. На них бы дороги строить, мосты через реки и болота, города крепить, воинов добрых нанимать в дружину. Так нет. Отец приказывает: две тысячи – будь добр мне в Киев вези. Всех этих трутней кормить, прихлебателей на княжеской службе, всяких там Александров, Хвостов, Путшей! – раздражённо говорил Ярослав.

– А помнишь, как воевода Александр нас от печенегов спас? – спросила с укоризной, недовольно сдвинув брови, Предслава.

– Помню. Только это давно было. Обленился вконец твой Александр, зажрался на дармовых княжеских харчах, отъел пузо. Да ныне любой гридень его из седла вышибет, не то что там

печенег. И много таких, как он. Отец же всё за старое стоит, не замечает, как скотницу[140] его растаскивают все, кому не лень. Вокруг новой княгини – вон, целый рой полунищих родичей всяких отирается. И все жрут да к узорочью многоценному лапы тянут. Куда такое годится, сестрица?!

– А всё же зря ты так, брат. Ты с отцом потолкуй.

– А я будто не толковал! – Ярослав зло скривил уста. – Да не внемлет он. А тут ещё с Иоанном митрополитом пря[141] у него. Митрополит прав: надо нам за Ромею держаться. Там, у ромеев – культура, традиции тысячелетние, там – православие освящённое. Зиждители[142], иконописцы, богословы. Там – свет духовный. А отец что? Какого-то Анастаса в епископы возвёл и во всём ему благоволит. А что Анастас? Ему, как и прочим, лишь бы злата побольше. Да и вот думаю: стар отец стал. Семьдесят годов уж без малого. И кому он после себя стол завещать думает? Борису? А примут ли его, юнца безусого, бояре? Примет ли клир?[143] А простой люд? Нет, не дело он замыслил. А эта его княгиня новая? Вот сижу здесь, вижу вокруг одни козни, интриги, ковы боярские. Думаю, лихая пора на Руси грядёт. Если всё на одном старике семидесятилетнем держится – нет, не дело это. Я вот поскорее в Новгород хочу вернуться. Хватит, побывал, посмотрелся здесь всякого сраму. Вот завтра к митрополиту схожу, поговорю, и назад, на Север. А ты, сестра? Верно, непросто тебе живётся тут, в бабинце?

– Не жалуюсь, – сухо ответила Предслава.

Ей не нравилась резкость слов брата. Так и сквозила в них едва скрываемая ненависть к отцу.

«Отчего он его так не любит? Спросить? Да зачем? Всё одно не ответит», – подумала Предслава.

– Слышал я, за чешского князя тебя выдать хотят? А Анастасию – за венгерского? Да, размах у отца широкий. А знаешь ты хоть, что чешские князья – и Удадьрик, и Яромир – вассалы германского Генриха? Нет? Так знай. А ещё третий у них брат есть, Болеслав Рыжий. Так тот в Кракове у Болеслава Польского в темнице сидит. Болеслав Польский Чехию хотел покорить, воспользовался раздорами меж братьями, своего брата в Праге на стол посадил, да того, говорят, Рыжий отравил. По правде говоря, Рыжий этот – изувер тоже, каких мало. Одного брата своего оскотил, а второй едва от него ноги унёс. Вот тогда Болеслав Польский Рыжего захватил в полон, предательски, во время переговоров, да в темницу и бросил. Тут немцы вмешались, Прагу у поляков отняли, возвели на стол братьев Удадьрика и Яромира.

– Ничего этого я не ведала, – изумлённо промолвила княжна.

– Немудрено. Отец, верно, тебя в державные дела не посвящает.

– Но он моего согласия испрашивал! – возразила брату Предслава. – Польскому я отказала, а за чешского идти согласилась.

– Ну и ладно. Не обидят тебя там, в Чехии. – Ярослав допил пиво, встал из-за стола и поклонился сестре, приложив руку к сердцу. – Спасибо тебе, сестрица, за хлеб-соль. Жаль, расставаться придётся. И хотелось бы тебя вновь увидеть, да не знаю, удастся ли. Если честно сказать, так чем скорее ты в Чехию уедешь, тем для тебя и лучше. Ну, пора мне. Ехать надо.

Брат и сестра облобызались на прощанье. Ярослав исчез за дверями, а Предслава всё смотрела ему вслед, пытаясь осмыслить всё то, что он говорил.

«Может, Ярослав и прав. Но всё одно, тако с отцом родным нельзя», – думала княжна и горестно вздыхала.

Она поднялась к себе в светлицу, глянула в окошко. Чёрный ворон кружил высоко над башней детинца, княжне даже почудилось противное злое карканье. В душу её вкрадывалась тревога.

Глава 19

В затхлом тёмном помещении пахло сыростью, по каменным плитам пола мерно ударяли капли воды. В углах шевелились огромные крысы. Боярин Фёдор Ивещей, в отчаянии обхватив руками голову, сидел на ворохе соломы, горестно вздыхал и клял лихую судьбину.

А как всё хорошо начиналось! По совету Володаря Фёдор вскоре после неудачного польского сватовства направил стопы в Туров, ко князю Святополку. Плыл на ладье вверх по Припяти, торопил гребцов, и казалось, выносит его жизнь на верную, столбовую дорогу. Простирались вдоль реки унылые болотистые берега с чахлыми берёзками и осинками, редкий зверь шуршал в прибрежных камышах, иной раз с кряканьем взлетала над кустом проворная утка. Небогата Туровская земля на урожай и на людей – пустынно было вокруг, разве иной раз мелькнёт на берегу крохотная деревушка с избами на длинных сваях да покажется впереди одинокая рыбацья лодчонка.

В Турове Фёдор долго беседовал с князем Святополком. Приземистый козлобородый муж лет тридцати пяти, черноглазый, с пепельными прямыми волосами, прядями падавшими на лоб и плечи, осторожный, молчаливый, вечно прятавший ладони в рукава долгого кафтана и неприятно дёргавший худой длинной шеей, всё исподволь расспрашивал Ивещея о том, что происходит в Киеве. Он медленно, со вниманием вчитывался в Болеславову грамоту, вопрошал о том, хороша ли собой польская княжна, много ли золота и серебра даёт Болеслав за невестою, что ждёт от него.

– Боюсь гнева князя Владимира, – признавался туровский князь со вздохом. – Как проведает, что мы без его ведома союз с Болеславом учиняем, гневать почнёт. Всюду у его соглядатаи.

Задерживаться в Турове Фёдору было недосуг, опасался он того же, что и осторожный Святополк. Осенью, сквозь грязь и нескончаемую полосу противного дождя, проваливаясь с конём во влажную вязкую землю, помчал он за невестой в далёкое Гнезно – Болеславову столицу.

Там, на берегах среброструйной изгибающейся крутой линией Вислы, уже поджидал его Володарь.

– Переменил Болеслав решение своё, – объявил он изумлённому Ивещею. – Вторую дочь за Святополка отдаёт. Марицей её звать. Совсем девчонка, дитя. Правда, на лицо она приятна, токмо вот горбата малость.

– Он чего, с ума спятил, Болеслав ваш?! – раздражённо рявкнул Ивещей. – Как я горбунью сию князю Святополку привезу? Обидится князь. Да и... насмехается над всеми нами лукавый сей лях, что ль?!

– Что делать, боярин? – Володарь уныло развёл руками. – Весьма обиделся Болеслав, когда княжна Предслава ему отказала. Чуть было войну не начал.

К Болеславу Фёдора так и не допустили. Говорил он только с одним худошавым старым епископом, который, зябко ёжась и кутаясь в долгую серую сутану, объяснял, что королевна Марица понимает всю важность своего предназначения и готова принести на Русь «свет истинной христианской веры», исходящей не от ромейских еретиков, но от самого римского первосвященника.

Этот же епископ, назвавшийся Рейнберном, взялся сопровождать невесту в Туров.

Марица и в самом деле была красива лицом, а горб свой скрывала под пышными платьями. Дорогой она, совсем ещё девочка, всё расспрашивала Ивещея, каков из себя князь Святополк, каковы его привычки, любит ли он охоты или больше сидит дома взаперти с книгами, яко монах.

По приезде в Туров Рейнберн имел со Святополком и Фёдором тайный разговор.

– Надо нам, – говорил, – выступить одновременно. Король Болеслав пойдёт на Волинь, а вы с севера по Киеву ударьте. Владимира со стола сбросим, и сядешь ты, княже Святополк, на его место. Твоё се право, ты ведь законный сын покойного князя Ярополка. Тогда попов греческих из Руси выгоним, станем творить волю римского папы. А Червень[144] с Перемышлем[145] отдашь Болеславу в вено[146].

Святополк угрюмо отмалчивался, не говорил ни да, ни нет. Златоволосая девчонка Марица ему пришлась не по нраву, а кроме того, боялся он, не верил Болеславовым словам.

Уже потом Ивещей понял: велась за ним с самого начала слежка. Тайные соглядатаи у Владимира, по всему видать, имелись и в Турове, и в Гнезно.

Внезапно нагрянул на берега Припяти отряд оружных дружинников во главе с воеводой Александром. Схватили, повязали Рейнберна, Святополка с юной женою увезли в Вышгород[147], под присмотр верных Владимиру людей, затем явились и к Ивещею.

Александр грозно крикнул:

– По велению князя стольнокиевского Володимира Святославича пойман ты, боярин Фёдор Блудович! В деле воровском уличён ты, на то послухи[148] есь! Пото[149] отдавай меч свой да садись в телегу! Эй, други! – окликнул двоих воинов в кольчугах. – В железа его! В Киев отвести да в поруб!

Вот так и очутился Ивещей в темнице. Страдал, плакал непроглядными ночами, проклинал неудачливого Володаря, князя Болеслава, Рейнберна. Лежал на соломе, всматривался в тёмный потолок, вздыхал тяжело. С горечью думалось: вот и всё, боярин! Кончилась удача твоя. Теперь все забудут, что жил ты на белом свете. Захвораешь тут, в сырости, посреди крыс, да помрёшь зимой холодной. И ни одна душа живая о тебе не позаботится!

Жалость к самому себе охватывала Ивещея, ком подкатывал к горлу. Почему другие так удачливы, а ему всё время не везёт?! Вроде и голова на плечах есть, не глупее он иных, а вот... несчастлив он, и всё тут.

Со временем стал одолевать Фёдора тяжёлый кашель. Кормили его скудно, два раза в день спускал на верёвке в поруб страж кувшин с тёплой затхлой водой да кусок заплесневелого хлеба.

«Господи, хоть бы поскорей конец настал мученьям моим! Господи, возьми душу мою!» – шептал в пустоту боярин.

Он потерял всякую надежду вырваться из этого сырого холодного мешка. Здесь заживо погребали многих изменников и противников князя. Не один опальный боярин обрёл в этом порубе свой конец.

Без малого полгода провёл боярин Фёдор в подземелье. Но однажды дощатая дверь, ведущая в поруб, вдруг отворилась. Яркий свет летнего дня вышиб из глаза Ивещея слезу. Вниз спустили верёвочную лестницу.

– Эй, узник! – раздался заставивший Ивещея вздрогнуть знакомый голос Володаря. – Вылезай. Отмучился, отсидел своё! Дела ждут нас, боярин! Большие дела!

Дрожащими руками, тяжело дыша, с трудом выбрался боярин на свет божий.

– Ну вот. Ты меня отсюда спас, теперь моя очередь, – тихо рассмеялся Володарь.

– Как же так?! Как ты здесь?! Днём – и не боишься. А еже князь Владимир...

– Да нет больше твоего Владимира! – Лицо Володаря светилось лукавой улыбкой.

– Как нет?! – изумлённо воскликнул Фёдор.

– Да так... Помер внезапно в Берестове. Удар его хватил.

Сердце Ивещея радостно забилося. Не сдержавшись, он обнял и затряс за плечи Володаря. Тот, впрочем, лишь усмехнулся в ответ.

– После расскажу, как он помер. Покуда на княж двор поспешим, боярин. Князь Святополк нас ждёт.

Пошатываясь от слабости и опираясь на плечо Володаревого слуги, поплёлся обрадованный Ивещей в княжеские хоромы.

Глава 20

Пока злосчастный Фёдор Ивещей проводил дни в порубе, на Руси произошло немало тревожных событий.

Ещё осенью в Киев пришли известия, что новгородский князь Ярослав отказывается платить отцу положенные две тысячи гривен. Великий князь метал громы и молнии. Из Ростова он немедленно вызвал к себе любимого сына Бориса, собрал воевод и старших дружинников, повелел грозно:

– Мостите гати[150] чрез болота, дороги прокладывайте чрез леса. Рати готовьте. Крепко проучу я Ярослава за самовольство! Ишь, гадёныш, окреп в дальнем углу, отсиделся, топерича зубы кажет! Ничего, пригну я его к земле, сломаю хребет! Будет ведать, как супротив родного отца ковы измышлять!

К тому времени епископ Рейнберн, мечтавший о крещении русов в латинскую веру, умер в темнице, а Святополк с юной женой всё так же безвылазно сидел в Вышгородском тереме под охраной верных Владимиру людей. Со скользкого пасынка Владимир велел «не спускать очей». Бориса же думал он поставить во главе ратей и объявить наследником киевского стола. Одно огорчало старого князя: больно уж добр Борис, стал заступаться перед ним за Ярослава, говорил елейным голосом:

– Прости ты его, отче. Сын ить! Верно, советники у Ярослава худые.

– Как же, советники! – возмущался Владимир. – Да, и советники тож! Токмо знаю я, сыне, Ярослава хорошо, не раз вот тут баяли с ним, спорили до хрипоты в горле. Твёрд он и упрям. Стоит на своём, старших не слушает, не любит меня. Ежели его сейчас не наказать, другие такожде головы подымут, Борис. И растащат собранное отцами и дедами нашими по разным углам. Не будет тогда единой Руси, распадётся она на мелкие княжества. А там волхвы из лесов повылазят. Бояре местные, князьки мелкие, коих я гнал в шею, с коими всю жизнь боролся, крамолы почнут ковать! Нужна нам с тобой, Борис, во-первых, дружина крепкая, чтоб боялись нас, а во-вторых – церковь, единство духовное в народе. Это такожде пойми.

– Разумею, отче. Токмо что ж то будет, коли сын на отца, отец на сына, а брат на брата мечи точить примутся?

– Вот и я о том толкую. Твёрдым надо быть, беспощадным, сыне! И паче всего прочего добрыми дружинниками дорожить.

– Но, отец, жестокость – она токмо другую жестокость порождает! Не круто ли ты с Ярославом поступаешь? Ну, хочешь, я к нему в Новгород поеду, поговорю.

– Нет, сын! Неверно баешь! Коли почнём уговаривать его, слабость свою покажем! Отколошматить надобно всю сию новгородскую сволочь! Вот тогда пушай и подумает твой Ярослав, чего содеял. А то распетушился!

В Киеве готовились к войне, воеводы ездили по городам и весям, набирали в дружину добрых молодцев. Тысяцкие[151] и сотские собирали ополчение из городских низов. В кузницах ковали кольчуги, шеломы, мечи. Надвигалась на землю Русскую ратная гроза.

...В доме воеводы Волчьего Хвоста до позднего часа горели тонкие свечи. Несколько видных киевских бояр тайно собрались здесь на совет. Все как один были недовольны Владимиром. У одного князь отобрал добрый луг на левобережье и отдал своему послужильцу, другого – снял с хлебной должности посадника в Василёве, третьего – обвинил в казнокрадстве и выгнал из Киева.

Рядом с Волчьим Хвостом на лавке устроился некий человек в низко надвинутом на чело куколе.

– А топерича и того пуще, хочет нас Владимир в войну ввергнуть. Оно бы и ладно, и надо бы новгородцев постращать, но ставит он нас под начало Бориса – юнца безусого.

А за Борисом отроки молодые тянутся, косо на наши, бояре, места в думе, на наши земли поглядывают, – говорил Волчий Хвост.

Речь свою вёл он неторопливо, медленно, осторожно, посматривал искоса на собеседников, стараясь понять, согласны ли они. А может, кто из них выскажется прямее, пойдёт дальше?

Но бояре угрюмо молчали, хотя каждый был в душе согласен с каждым словом хозяина дома.

Тогда сидевший рядом с Волчьим Хвостом человек решительно отбросил назад куколь.

– Володарь! – ахнул старый Коницар.

– Я, бояре! Вижу, боитесь вы. В страхе держит вас Владимир. Так, может, довольно вам прятаться? Не пора ли за дело взяться?

– Какое дело? Что предлагаешь, Володарь? – спросил, хмурясь, молодой Горясер, тот самый, у которого Владимир отобрал луг под Прилуком.

– Я поеду в степь, подговорю печенегов на набег в сторону Чернигова. А ты, воевода Волчий Хвост, уговори князя послать против печенегов в степь Бориса с дружиной киевской. Пора, мол, ему ратному делу учиться. Я же тем часом в Киев возвращусь. Вот тогда... – Володарь смолк, угрюмо потупив взор.

– Тогда уж мы со Владимиром и разберёмся, – заключил боярин Путята.

– Князя Святополка надобно упредить. Он – законный киевский князь, – добавил Горясер.

Бояре закивали головами. План Володаря был ими одобрен.

...С досадой вынужден был Владимир отложить поход на Новгород. В июне, вскоре после Троицына дня, дружина во главе с Борисом выступила в степь против печенежских орд, разграбивших сёла на Выстри.

«Ничего, с Ярославом – успеется», – успокаивал сам себя великий князь.

Тут намеренно ещё к нему явилась Предслава, попросила робко:

– А дозвожь, отче, я сему Ярославу грамотку пошлю. Поругаю его да к миру склоню. Не ворог ведь он тебе, но сын родной.

Не сдержался тогда Владимир, затопал в гневе ногами, накричал на дочь:

– Не твоего ума дело! Ишь, все умные стали! Коромольника сего простить готовы! А не видите, что Русь нашу умыслил сей Ярослав наполю[152] развалить, что до тебя и до нас всех дела ему никакого нет! Ворог он, хуже поганого! Изыди с очей моих! Довольно, наслушался я советов ваших!

Обиженная ушла в свою светёлку Предслава. Владимир пожалел было, что столь грубо с нею обошёлся, но махнул рукой: «Вдругорядь побоем».

Захотелось старому князю поразвлечься. Тут как раз заявился к нему в хоромы Волчий Хвост.

– Полно те, княже, кручиниться. Айда в Берестово. Тамо девок красных соберём, песни послушаешь. Может, какая из них тебе приглянется.

Знал опытный придворный, чем привлечь старого развратника. Вечером 15 июля выехала вереница всадников из Лядских ворот, ринула в галоп берегом Днепра в Берестово. Там, на круче над Днепром, стоял огромный терем. Туда в прежние времена свозил князь Владимир своих наложниц.

Сопровождали князя несколько верных дружинников, и в числе их был воевода Александр Попович. Чувал храбрый воин недоброе, не верил он Волчьему Хвосту, пытался отговорить князя от поездки в ночь, да куда там! Разыгралась кровь в жилах шестидесятисемилетнего киевского властителя, загорелся он, возмечтал хоть на ночьку единую, но возвратить ушедшую молодость.

В Берестово прибыли в сумерках. Поначалу воистину началось веселье, полуголые холопки в горнице дворца ублажали своего господина срамными плясками, звенели бубны,

гудки, сопели, кривлялись потешные скоморохи. Рекой струился хмельной мёд. Александр решительно отказался от предложенной Волчьим Хвостом чарки, другие же спутники Владимира охотно выпили, к вящему неудовольствию осторожного воеводы. Нет, чуял сердцем Александр, неспроста учинил Волчий Хвост этот пир, да ещё в то время, когда киевская рать выступила в поход.

Глубокой ночью, когда веселье в горнице было в самом разгаре, стал Александр обходить терем. Заглядывал в самые дальние закоулки, прислушивался ко всякому подозрительному шороху. Так и наткнулся на конюшне на двоих в кольчугах, в одном из которых при свете чадающего светильника признал Володаря, а в другом – Горясера.

– Ах, вороги! – вырвал Александр из ножен меч.

Враги опасливо отбежали от него, подняли шум, и тотчас наскочила на Александра с разных сторон добрая дюжина оружных.

– Брось меч, изрубим! – крикнул Горясер.

Но решил Александр до конца защищать своего князя и господина. Одного из нападавших рубанул косо, так что тот вмиг обмяк и упал, второго пронзил в грудь, третьего попросту отпихнул ногой, и тот, взыв, как собака, отпрянул в сторону.

– Княже! Перевет! Измена! – закричал воевода что было мочи и бросился к крыльцу терема. Но там уже толпились верные боярские слуги, под шумок перерезавшие опоенных дружинников.

Ещё кого-то рубанул Александр наотмашь, от души. Яростная схватка закипела посреди двора.

«Что же князь? Где он?» – лихорадочно думал Александр, отбиваясь от наседавших противников.

Его боялись, или налетали всей сворой, или отскакивали на безопасное расстояние. В свете луны и факелов зловеще сверкал в руке воеводы огромный богатырский меч. Вот ещё одного срубил он боярчонка, так что голова у того покатилась с плеч, затем поранил в плечо Горясера, который выронил из руки саблю и застонал от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.